

И. Д. П А В Л О В С К И И

НА ОСТРОВАХ

Annotation

Михаил Петрович Павловский, майор в отставке, прошел большой боевой путь. Юношей он сражался с белогвардейцами на фронтах гражданской войны. В финской кампании участвовал в должности начальника разведки дивизии. Великая Отечественная война застала его на Моонзундском архипелаге. В своих мемуарах М. П. Павловский рассказывает о непродолжительной, но героической обороне «ворот северо-восточной Балтики». Не претендуя на всесторонний и полный охват событий, воспоминания тем не менее дают представление об основных этапах борьбы за Моонзунд. Взволнованно повествует автор о стойкости и самоотверженности защитников советских островов, об их преданности Родине и воинскому долгу.

- [Михаил Петрович Павловский](#)
 - [Ночной вызов](#)
 - [Моонзундцы вступают в бой](#)
 - [Врагу — ни дня покоя](#)
 - [С рубежа на рубеж](#)
 - [Мы уходим, чтобы вернуться](#)
-

Михаил Петрович Павловский
На островах

Ночной вызов

Михаил Петрович Павловский

Штаб Береговой обороны Балтийского района размещался в уютном особнячке на малолюдной улице. Окна здания смотрели в парк. В этом уголке Курессаре (ныне Кингисепп) было всегда тихо. Покой лишь изредка нарушали сигналы автомашин да раскатистые басовитые гудки судов, курсировавших между Моонзундскими островами.

Был июнь сорок первого года. На листке моего настольного календаря жирно чернело число «21». Рабочий день близился к концу. Я на минуту оторвался от дела и устремил взгляд к темно-голубой черте горизонта. С моря тянуло прохладой. Резвым ручейком

она струилась через раскрытые настежь окна в кабинет. Ветерок шевелил легкие занавески, шелестел разложенными на письменном столе бумагами. По всем приметам завтрашнее воскресенье должно быть чудесным.

«Надо обязательно выбраться за город, — подумал я, — давно уже обещал семье».

Конечно, и в самом городе можно отдохнуть превосходно. Административный центр острова Саарема походил на курорт. Летом сюда приезжало немало отдыхающих. Их влекли сюда тишина, морской воздух, насыщенный терпким ароматом хвои, живописные окрестности, неумолчный плеск волн. Нас же, живших в Курессаре, тянуло на островные просторы, поближе к неоглядным россыпям полевых цветов, в прохладную глубину лесов.

Я любил воскресные прогулки. Особенно по побережью. Вслушиваясь в шум прибоя, любясь глянцевым блеском перекатываемой гальки, ощущая на себе уколы соленых брызг, забывал обо всех служебных заботах, отдыхал телом и душой.

Но в последние месяцы свободные воскресенья выдавались все реже. Да и среди недели частенько приходилось работать до ночи. Все меньше верила мне жена, когда я говорил, что в следующий выходной обязательно буду дома.

И сегодня почти до самого последнего часа командиры штаба гадали: будут завтра работать или нет. Лишь несколько минут тому назад стало известно, что можно отдыхать.

Люди заторопились доделать неоконченное, неотложное, начали связываться по телефону с семьями и знакомыми. Ровно в пять все направились домой.

Многих сослуживцев я узнавал по походке. Вот с характерным, только ему одному присущим подскоком

пролетел по коридору начальник оперативного отдела майор И. Шахалов. Затем часто простучали каблук батальонного комиссара Лаврентия Егоровича Копнова, человека энергичного и острого на язык. А вот степенно и, очевидно, как всегда попыхивая трубкой, по коридору прошествовал военный прокурор Коршунов.

После некоторой паузы едва уловимо прошуршали мягкие шаги начальника штаба Береговой обороны Балтийского района подполковника Охтинского. Я подумал: «Зайдет или пройдет мимо?»

С Алексеем Ивановичем мы были друзьями. Теплые отношения сложились между нами как-то сразу и никогда потом ничем не омрачались, хотя разногласия, острые споры случались нередко.

Впервые встретились мы в 1940 году. Я получил назначение на должность начальника особого отдела. Наше знакомство состоялось у него в кабинете. Алексей Иванович был выше среднего роста, с приветливым симпатичным лицом. Острижен коротко, под «ежик», стройный, подтянутый. Форма сидела на нем безукоризненно. На золотых галунах кителя — коричневая окантовка, знак отличия береговиков.

Крепко пожав руку, Охтинский строго и внимательно осмотрел меня с ног до головы умными пронизательными глазами. Будто давнишнему знакомому, улыбнулся и, сильно окая, сказал:

— Садитесь, поговорим. Не возражаете?

Сначала беседа наша носила общий характер. Охтинский интересовался: что там новенького «в верхах»? Я в свою очередь спрашивал: «А у вас тут как?»

Охтинский достал карту архипелага, разложил ее на столе и стал знакомить меня с обстановкой.

— Впереди нас — никого. Только море. До Германии рукой подать. В тылу разное профашистское охвостье воду мутит. Иностранной агентуре здесь пока

вольготно. Архипелаг как загадочный лабиринт. Почти тысяча островов. А по вашему «ведомству» у нас тут дырка от бублика. От печки танцевать придется.

Охтинский говорил неторопливо, деловито. Иногда с тонким юмором, а то и со злой шпилькой в чей-нибудь адрес. Беседа с Алексеем Ивановичем была для меня во многом полезной.

— Думаю, что будем работать в тесном контакте, — закончил он. — Во всяком случае, хотелось бы. Если нужно, заходите в любой час... Вас как по батюшке? Михаил Петрович? Ну а меня Алексей Иванович...

Когда я уже покидал кабинет, Охтинский весело бросил вдогонку:

— Кстати, в шахматы как?.. Уважаете?

— Не силен, — ответил я.

— Напрасно. Мозговитая игра.

* * *

...Предчувствия меня не обманули. Охтинский не прошел мимо моей двери. Заговорил с порога:

— Еще не отшвартовался? Какие планы на завтра?

— Пока никаких, Алексей Иванович.

— Что так?.. — и, сразу посерьезнев, вздохнул. — У меня тоже не лежит душа к отдыху... Не могу понять, в чем дело: с одной стороны, готовность номер два, с другой — расходимся вот все по домам. И в частях, наверно, также... Чего молчишь?

— Полностью солидарен.

С минуту. Охтинский постоял неподвижно, устремив взгляд куда-то через окно.

— Ну ладно, я поплыл. В случае чего, созвонимся.

В пять часов штаб совсем опустел. Уложив бумаги в сейф, я подошел к окну, чтобы затворить рамы, и загляделся. Солнце стояло еще высоко, но уже

удлинились и загустели тени. Более глубоких тонов стала зелень парка, чище небо. На фоне его резко выделялись контуры Аренсбургского замка. Я обежал глазами черепичную кровлю, узкие прорезы бойниц. Шесть веков пронеслись перед этим старинным сооружением. Пыль столетий толстым слоем отложилась у стен и скрыла их основание.

Построенный в середине четырнадцатого века Германом Оснарбрюкским замок-крепость долгое время являлся резиденцией епископов недоброй памяти Ливонского ордена. Псы-рыцари обагрили землю кровью эстов-островитян и принесли сюда звон мечей и пламя костров.

В первую мировую войну на морских подступах к Моонзундскому архипелагу не раз разыгрывались жестокие бои. Острова эти недаром называют «воротами северо-восточной Балтики». С архипелага удобно контролировать входы в Финский и Рижский заливы.

Мы, военные, хорошо понимали, что в случае нападения на нас противник приложит все усилия, чтобы снова овладеть Моонзундом и тем самым обеспечить оперативный простор своему военному флоту, а заодно и обезопасить свои сухопутные фланги.

Положение в мире было тревожное. Грозой не только пахло, она уже громыхала. Фашистская Германия нагло подминала одну европейскую страну за другой, и аппетит ее не утолялся, а возбуждался еще больше. С начала 1941 года немцы развернули подозрительно активную деятельность и в районе Моонзундского архипелага. На острова и побережье Эстонии, Латвии зачастили гости из Германии. Они выдавали себя за людей, якобы ищущих останки немецких солдат и офицеров, погибших здесь в первую мировую войну.

Странно, конечно, что спустя двадцать с лишним лет немцы вдруг вспомнили о павших. Но цель была гуманной, и мы не чинили никаких препятствий. Однако и глаз с гостей не спускали. Подозрения наши подтвердились. Оказалось, что «гробокопатели», как мы окрестили этих необычных эмиссаров, гораздо охотнее засматривались на наши военные объекты, чем на могилы своих соотечественников, и больше вертелись в портах, на пристанях и там, где дислоцировались воинские части.

Весной начали поступать другие, более тревожные сигналы. Немцы стали регулярно вести военную разведку Балтийского моря, и особенно его районов, прилегающих к нашему побережью. Самолеты со свастикой стали появляться над районом Либавы и устьем Финского залива. 25 мая наши наблюдатели обнаружили немецкую подводную лодку типа «У-27» у острова Хиума, еще одну, неопознанную, — на Сескарском плесе. В финские порты перебазировалось несколько гитлеровских торпедных и сторожевых катеров, эскадренных миноносцев, тральщиков и один легкий крейсер, высаживались войска.

В конце мая или начале июня нам удалось разоблачить одного из гитлеровских агентов, некоего Розенберга, буквально под носом у себя — на острове Саарема. Вот как это произошло.

Для строительства оборонных объектов нам требовались люди. При наборе рабочих мы, конечно, проявляли осторожность. Не зная хорошо местных жителей, за помощью обращались к советским и партийным органам. Особенно часто выручал нас секретарь уездного комитета партии А. М. Муй, старый подпольщик-революционер.

Однажды, когда я зашел к нему за очередным советом, Александр Михайлович беседовал с какой-то девушкой. Посетительница держалась робко, говорила

сбивчиво, и секретарь никак не мог понять, чего она хочет.

— Да ты смелее, Сальма, — подбадривал ее Муй. — Не волнуйся. Ты же в комитет партии пришла.

— А в чем дело? — поинтересовался я.

Александр Михайлович пожал плечами.

— Да вот никак не добьюсь... По-моему, работать хочет устроиться. Так, что ли, Сальма?

Девушка кивнула головой.

— Бывшая батрачка, — стал рассказывать мне о ней Муй, — живет с матерью. Отца нет, погиб в море. Хозяин его был настоящий изувер, посылал рыбака на промысел в старой-престарой посудине. Конечно, застрахованной. Родитель Сальмы был доволен и этим. Все-таки работа! Хоть какой кусок хлеба дает. Его предупреждали, что рано или поздно шхуна развалится и не миновать ему дна морского. Но что было делать батраку? Рисковал. И однажды не вернулся совсем. В общем, Михаил Петрович, кандидатура подходящая...

Я направил Сальму на полуостров Сырве. Там ее зачислили в бригаду строителей. Работала она хорошо. Вступила в комсомол, стала активисткой. Уже через полгода ее трудно было узнать. От былой неуверенности и робости не осталось и следа. Сальма Кей нашла свое место в жизни.

Виделись мы с ней редко. А в последнее время совсем перестали: не представлялось случая.

Но вот однажды, подходя к штабу, я заметил девушку на тротуаре. Она напряженно вглядывалась в лица прохожих. Постовой подозрительно поглядывал на нее. Сальма это чувствовала, но отойти подальше от входа в здание штаба, видимо, не могла. Я незаметно приблизился к ней и спросил:

— Вы что тут делаете, Сальма?

Девушка от неожиданности вздрогнула.

— Вас дожидаюсь. Очень нужно рассказать кое-что.

От нее я узнал о темных делах подрядчика Розенберга. Он руководил бригадой строителей на мысе Сырве, где уже начали монтировать орудия 315-й батареи. Этот Розенберг всяческими путями затягивал работу на объекте, нарочно обсчитывал людей, убеждал их, что на строительстве применяются заниженные расценки и что во всем этом виноваты мы, военные. Среди части эстонцев возникло недовольство, участились случаи прогулов, некоторые стали увольняться. Все это, естественно, влияло на выполнение наших планов.

Я и раньше слышал о неблагоприятных на Сырве, но относил их к категории обычных производственных недоразумений, неизбежных в любом деле. Оказалось же, что корни их таятся гораздо глубже.

Полученные от Сальмы сведения требовалось проверить. За Розенбергом было установлено наблюдение. Сальма помогала нам. Вскоре поступило сообщение, что Розенберг пытается вести разговоры с краснофлотцами и кое-кого приглашал к себе на выпивку. Раза два видели, как он фотографировал секретные объекты.

Когда набралось достаточно улик, Розенберг был арестован. Подрядчик изобразил благородное негодование, стал распинаться в лояльных чувствах по отношению к Советской власти, но в конце концов, припертый неопровержимыми фактами, сознался, что вел на Саареме шпионско-диверсионную работу в пользу немцев.

Тревожными мыслями, вызванными у меня этим происшествием, я поделился с генералом Елисеевым. Он, однако, не придал им большого значения. Во всяком случае, мне так показалось. Настроен генерал был бодро.

— Шпионаж, старший политрук, дело обычное. На то и щука в море, чтобы карась не дремал. Ваша работа такая. А что касается обобщений... — Он поднялся с кресла, прошелся по кабинету, потом задержался у письменного стола, открыл папку, пробежал глазами какой-то документ и закончил: — В общем, Павловский, так: шпионов, диверсантов и прочую нечисть вылавливайте, но обобщений, находящихся вне вашей компетенции, избегайте. И никакой паники...

Последнюю фразу генерал произнес уверенно, в тоне приказа. Я ушел от Елисеева с двояким чувством: неясности и вместе с тем некоторой успокоенности. Не верить коменданту БОБРа (Береговой обороны Балтийского района) не мог. Он, безусловно, знал больше моего.

«Ну что ж, — думал я, — сверху, конечно, виднее!»

Однако через некоторое время беспокойство вновь возвратилось ко мне. За время пребывания наших войск на островах для укрепления обороны архипелага было сделано немало. Но и недоделок еще оставалось уйма. Военное строительство, по сути, только развернулось. Наиболее мощные 180-мм батареи — 315, 317, 318-я — пока не были готовы.

Войска, занимавшие Моонзунд, нуждались в пополнении, особенно полевые подразделения. Единственное из наших общевойсковых соединений — стрелковая бригада перестроивалась.

15 июня я подробно информировал о всех своих наблюдениях и выводах дивизионного комиссара А. П. Лебедева. Ответа от него на мой письменный доклад не последовало.

Вскоре после этого я разговорился с Охтинским: — Как думаешь, Алексей Иванович, только откровенно, могут немцы решиться на войну с нами?

— А черт их знает! От них всего ждать можно, — помолчав, ответил Охтинский. — Войска-то на границе

нашей держат. И еще подбрасывают. Спрашивается, зачем? Ты обратил внимание на некоторые формулировки Сообщения ТАСС от четырнадцатого июня?

— Какие именно?

Охтинский подошел к столу, на котором высокой стопкой лежали газеты, порылся в них, нашел нужную. Взгляд его быстро забегал по строчкам.

— Ну вот, например: «...Слухи о намерении Германии порвать пакт и предпринять нападение на СССР лишены всякой почвы, а происходящая в последнее время переброска германских войск, освободившихся от операций на Балканах, в восточные и северо-восточные районы Германии связана, надо полагать, с другими мотивами, не имеющими касательства к советско-германским отношениям»... Тут, понимаешь, какое дело... Слухи опровергают не сами немцы, а мы за них. Это раз. Потом. Войска-то они все-таки перебрасывают поближе к нам. А зачем — опять не они объясняют, а мы полагаем.

— Не понимаю, чего же мы ждем? — вырвалось у меня.

— А что же? Начинать первыми?

— Нет, конечно. Но подготовиться-то надо?

Охтинский покосился в мою сторону, ухмыльнулся:

— Неужели ты думаешь, что только мы с тобой одни такие умные? Видно, не так все это просто...

На том наша беседа и кончилась.

А в субботу — ту самую, с которой я начал эти воспоминания, — когда большинство сотрудников штаба уже ушли домой, в моем кабинете раздался телефонный звонок. Занятый своими мыслями, я не тотчас сообразил, кто и о чем говорит.

— Да что с тобой? — удивился звонивший мне начальник 10-го погранотряда майор Скородумов. — Повторяю: бери свою «половину» и приходи в театр.

Сегодня концерт дает ансамбль песни и пляски войск НКВД. Приглашение есть.

— Не знаю даже, что тебе ответить, Сергей. Надо же с женой посоветоваться. Кстати, как там у вас обстановка? Нарушения были?

— Абсолютная тишина. Устраивает?

— Неплохо.

— Меня — вполне. Звоню из дому. И тебе советую кончать с делами. До концерта остался час с небольшим. Жду тебя и Клавдию Андреевну у театра. Все. Торопись. Отказа не принимаю.

Концерт оказался интересным.

— Ну вот, а ты еще раздумывал, — подтрунивал надо мной Скородумов.

Возбужденные, мы немного побродили по ночному городу. Домой вернулись часу в одиннадцатом. Готовясь ко сну, жена спросила:

— За город завтра поедем?

— Конечно, — ответил я, — если...

— Что «если»? — насторожилась Клава.

— Конкретно я ничего не имел в виду. Просто к слову. Сама знаешь, обстановка неважная. Мало ли что...

Клавдия вздохнула и посмотрела в сторону детской.

В этот момент загремел телефон. Против обыкновения вызовы были резкими и настойчивыми. Я даже вздрогнул. Поспешно взял трубку. Оперативный дежурный передал приказ срочно явиться в штаб. Я вызвал машину и стал быстро облачаться в форму.

Жена не сводила с меня вопросительного взгляда.

— Не знаю, Клава, ничего не знаю. Возможно, учения.

У дверей мы простились. Жена поцеловала меня в щеку.

— Иди. Если что серьезное, извести сразу.

И осторожно, видимо, чтобы не разбудить детей, прикрыла дверь. Я задержался на крыльце, прислушался. Щелкнул выключатель. Мне было понятно, как беспокойно сейчас на душе у Клавы. На ее долю выпало немало тревог. Но что поделаешь: я — солдат, она — жена солдата, и, как бы порой ни было тяжело, нужно уметь сдерживать свои чувства. Иначе будет еще больнее.

Сбежал с крыльца. Машина уже стояла у подъезда. Ее черный лакированный корпус чуть поблескивал в мягком сумеречном свете белой ночи.

— В штаб! — бросил я, усаживаясь рядом с шофером.

«Эмка» рванула с места и понеслась по безлюдным улицам. С не меньшей быстротой завертелись в моей голове мысли. Каких только предположений я не делал!

В штаб приехал одним из первых. Комендант БОБРа генерал Елисеев встретил меня у дверей своего кабинета. Он был взволнован и не скрывал этого. Мне даже показалось, что Алексей Борисович растерян. Обычно генерал принимал подчиненных сидя за письменным столом. В такие минуты его коренастая, грузная фигура являла собой полное олицетворение спокойствия и собственного достоинства. Говорил Елисеев уверенно и чуть снисходительно. Людям, не знавшим его близко, он внушал трепетное почтение. Но в ту ночь генерал выглядел непривычно. Крупное тело его как бы осело, расплылось, лицо сделалось мягче и приветливее.

— Что-то непонятное происходит, товарищ Павловский, — заговорил генерал.

— Что именно, Алексей Борисович? — осведомился я.

— Не знаю, дорогой, не знаю, — Елисеев тяжело опустился в кресло. — Ничего толком не знаю. Пока приказано объявить боевую готовность номер один.

— Уж не немцы ли чего выкинули? — предположил я.

Елисей выпрямился, лицо его стало вдруг жестким и сухим.

— Вы понимаете, что говорите? Отдаете себе отчет?

Я промолчал. В то время господствовало мнение Сталина, что Германия не решится нарушить заключенный с нами в 1939 году договор о ненападении. Всякие сведения о подготовке немцев к войне с Советским Союзом Сталиным расценивались как провокационные. Многие тогда поплатились за суждения, расходившиеся с убеждением Сталина. Вероятно, это и имел в виду Елисей, когда сказал:

— Слово, старший политрук, не воробей... Давай-ка лучше не будем предугадывать события, а займемся...

В это время в кабинет без доклада вошел начальник шифровального отдела.

— Что у вас? — недовольно встретил его генерал.

— Очередное донесение, товарищ комендант.

Елисей быстро пробежал текст глазами. Когда офицер удалился, генерал сказал, что вблизи наших берегов появились немецкие подводные лодки.

Не успели мы обменяться по этому поводу мнениями, как начальник шифротдела вошел вновь. На этот раз он подал генералу приказ о немедленном возвращении из отпусков командиров.

Генерал сразу же отдал необходимые распоряжения, приказал усилить наблюдение за морем, затребовал мобилизационный план.

По поручению Елисеева Охтинский несколько раз звонил в Таллин, чтобы получить хоть какие-нибудь разъяснения. Но штаб флота неизменно отвечал: «Ждите указаний».

— Что ж, — расхаживая по кабинету, вслух размышлял генерал, — будем ждать. Может, дальше

готовности номер один и не пойдет. Как думаете, Алексей Иванович?

Охтинский молчал.

— Нет, — продолжал Елисеев. — Не должно пойти...

Остаток ночи показался нам бесконечно долгим. Все бодрствовали.

Перед самым восходом солнца, когда над бухтами и заливами за клубился легкий туман, раздался телефонный звонок. Елисеев в тот момент куда-то отлучился, и к аппарату подошел Охтинский. Слушая, он вдруг изменился в лице. Мы затаили дыхание.

Когда вошел Елисеев, Охтинский медленно опустил трубку на рычаг.

— Война, товарищ генерал, — доложил Алексей Иванович. — Только что звонил начальник штаба флота. Гитлеровцы перешли границу, бомбят города.

— Какие указания? — глухо спросил Елисеев.

— Передаю дословно: «Вы в отрыве от нас, действуйте по собственному усмотрению».

— Созовите весь командный состав БОБРа и бригады, — распорядился генерал.

Моонзундцы вступают в бой

Трое суток я не покидал штаба. Вместе со своим заместителем старшим лейтенантом Иваном Дмитриевичем Грядуновым занимался подготовкой боевых групп истребительного отряда, предназначенного для борьбы с диверсантами, шпионами, лазутчиками и профашистскими элементами.

В буржуазной Эстонии существовали две реакционные организации — измайлитов и кайцелитов. С установлением Советской власти они были распущены, но полностью их деятельность не прекратилась. Какая-то часть измайлитов и кайцелитов ушла в подполье. Мы не сомневались, что при удобном случае они поднимут голову и покажут зубы.

Так оно и произошло.

В первый же день войны вечером около столовой был убит молодой командир-морьяк, а утром 23 июня в Курессаре появились антисоветские листовки. Они призывали население острова оказывать помощь гитлеровской армии, вступать в так называемые охранные отряды.

Фашистские элементы активно занялись шпионажем и диверсиями. Мы усилили наблюдение за дорогами, населенными пунктами. Несколько террористов было поймано и расстреляно. Тревожные сигналы начали поступать и с материковой части Эстонии. В районах Виртсу и Лихула появились вооруженные банды. Было перехвачено несколько их зашифрованных радиোগрамм. Вероятно, террористы уже вошли в связь с гитлеровцами. Приблизительно через сутки мне позвонили из Таллина и сообщили, что под Пярну противник выбросил десант силою до батальона.

Парашютисты, конечно, не замедлят войти в контакт с кайцелитами и измайлитами. В этом мы были уверены.

Истребительному отряду БОБРа, подчиненному непосредственно мне, предстояло выступить по маршруту Куресеаре — Виртсу — Лихула и идти на соединение с другим нашим подразделением,двигающимся со стороны Таллина.

В путь решили тронуться ранним утром. С полуночи зарядил мелкий, надоедливый дождик, свинцовое небо низко нависло над островами. Это нам на руку: больше шансов избежать ударов гитлеровской авиации.

Несмотря на нелетную погоду, я все же распорядился привести в полную боевую готовность пулеметные расчеты. Распрощавшись с Грядуновым, скомандовал:

— По машинам!

Сам сел в старенькую, но еще довольно крепкую легковушку, выехал в голову колонны.

Под дождем добрались до Ориссарской дамбы, по ней перебрались на остров Муху и прибыли в порт Куйвасту. Здесь погрузились на тральщик и переправились в Виртсу. За Виртсу сошли с машин и начали прочесывать прибрежные леса. На некоторых хуторах нашли рации и оружие, причем и то и другое немецкого происхождения. Но банд кайцелитов и измайлитов не обнаружили. Должно быть, их успели предупредить, и они ушли. А возможно опасаясь разгрома, и поблизости где затаились.

Без особых приключений добрались до Лихула. При подходе к какому-то хутору немного задержались. Разведка донесла, что там стоят неизвестно чьи грузовые машины.

Вскоре, однако, выяснилось — на хуторе расположился таллинский истребительный отряд. Командир его сообщил приятную новость: десант гитлеровцев, выброшенный под Пярну, уничтожен

стрелковой частью. Наше продвижение в тот район теряло смысл. Я связался с Курессаре, доложил обстановку и попросил указаний. Генерал Елисеев распорядился оставить в районе Пярну группу лейтенанта Б. Егорова, а мне с отрядом вернуться на остров.

К моменту моего возвращения город Курессаре успел заметно изменить свой внешний облик. Он стал как-то суровее. По улицам то и дело проходили воинские колонны, в воздухе непрерывно гудели самолеты, на рейде дымили морские транспорты. Боевые корабли, угрожающе задрав дула орудий, темнели на фоне серо-зеленых вод Рижского залива. По акватории порта в разных направлениях сновали юркие катера, вздымая по носу белоснежные буруны. Неторопливо шли по своим делам неуклюжие буксиры. Далеко на горизонте застыли силуэты эсминцев, а вокруг них залив бороздили быстроходные сторожевики и морские охотники.

Все дышало войной. И дома я застал ее следы. В квартире царил беспорядок. Кругом валялись обрывки бумаг, шпагата, брошенные вещи. Чувствовалось, что сборы были поспешными, и потому многое, что могло пригодиться в дороге и хозяйстве, осталось.

Со спинки дочкиной кровати свисали новенькие чулки. Должно быть, хотела надеть их в дорогу, но в суматохе забыла.

— Уехали! — вслух произнес я и почувствовал себя осиротевшим.

Молча потрогал детские чулочки, хотел было сложить их и отнести в гардероб, но раздумал. Пусть висят. На столе заметил листок бумаги, на нем синие неровные строчки. Записка от жены. Несколько коротких фраз: «Сегодня эвакуируемся. Куда — не знаем. Желаем боевых успехов. Крепко целуем. Ждем известий».

Прошелся по комнатам, постоял в раздумье у окна и поехал к генералу.

По пути встретил неизвестные мне подразделения. Думал — пополнение, но вид у людей был неважный, потрепанный. Из тыла такими не прибывают. Поинтересовался. Оказалось, это с материка откатились отдельные группы, потерявшие связь со своими частями. На расспросы солдаты да и командиры отвечали неохотно, хмурились. Иные неизвестно кого ругали...

Новый командный пункт Елисеева располагался километрах в десяти от Курессаре на заросшей лесом безымянной высоте.

Генерал проводил совещание. На нем присутствовал почти весь руководящий состав БОБРа и 3-й отдельной стрелковой бригады.

Разговор шел острый и касался обороны островов.

На острове Хиума размещалось тогда шесть береговых и две зенитные батареи, два стрелковых батальона 16-й стрелковой дивизии, два инженерно-строительных батальона и подразделения 10-го погранотряда. Общая численность их составляла почти три с половиной тысячи человек. Официально этот район именовался Северным укрепленным сектором. Комендантом его был полковник Александр Сильвестрович Константинов. Главной задачей береговых батарей сектора было прикрытие (совместно с артиллерией, расположенной на Осмуссаре и Ханко) входа в Финский залив.

Основная же масса войск и боевой техники находилась на крупнейшем острове Моонзундского архипелага — Саареме. На нем были главные силы 3-й стрелковой бригады, шесть батарей береговой обороны (180-мм башенная, 180-мм полубашенная, 100-мм и три 130-мм), четыре зенитные батареи, саперная рота, отдельная рота связи, два инженерно-строительных

батальона, подразделения 10-го погранотряда. Всего — свыше 10 тысяч человек.

Северо-западный участок острова занимал 46-й стрелковый полк майора А. Марголина. Он держал оборону на Тагаранне и прикрывал входы в бухты Кюдема-Лахт и Тага-Лахт.

Южное побережье защищал 79-й стрелковый полк под командованием майора Ладеева. Его подразделения контролировали участок от Ромассаре до мыса Кюбассар. Километрах в двенадцати юго-восточнее Курессаре позиции занимал противотанковый дивизион.

Свыше полутора тысяч человек насчитывал гарнизон острова Осмуссар.

С востока, со стороны материка, архипелаг прикрывали подразделения, расположенные на острове Муху.

А вся численность находившихся на Моонзундском архипелаге частей и подразделений превышала 15 тысяч человек.

На северо-западе стояла 317-я батарея тяжелых морских орудий.

43-я батарея находилась на полуострове Кюбассар. Ее стотридцатимиллиметровки держали под прицелом северную часть Рижского залива.

Самая мощная, отлично оборудованная 315-я батарея 180-мм башенных орудий капитана А. Стебеля занимала позиции на южной оконечности полуострова Сырве. Она защищала Саарему со стороны Балтийского моря и контролировала Ирбенский пролив.

Отдельный зенитный дивизион БОБРа находился под Тагаранной. Временные батареи и подразделения 39-го артиллерийского полка были приданы стрелковым частям.

В самом Курессаре и его окрестностях разместились служба наблюдения и связи (СНИС), охрана водного

района (ОВР), две санитарные роты, авторота, комендантская рота, отдельный инженерный батальон и батальон связи.

Оборонять этими силами огромные островные пространства было, безусловно, тяжело. Противник, сколотив одну-две мощные группы, мог вторгнуться на острова с какого угодно направления, найти или пробить брешь на любом участке.

Обстановка с каждым днем ухудшалась. Гитлеровцы уже подступили к Риге. В Эстонии советские войска начали отходить к Таллину. Как я узнал после войны, немецко-фашистская группа армий «Север» в составе двадцати пехотных, трех моторизованных и трех танковых дивизий рвалась к портам Прибалтики, стремилась как можно быстрее очистить этот район от войск Красной Армии, лишить советский флот оперативного простора. Затем планировался удар на Ленинград.

В этих условиях роль Моонзундских островов, нависавших над левым флангом противника, могла оказаться очень важной. Положение обязывало нас срочно заняться укреплением обороны архипелага, и в первую очередь островов, расположенных ближе всего к материку. При одном взгляде на карту становилось ясным, что именно с побережья Эстонии враг попытается форсировать пролив, высадиться на остров Муху, а с него вторгнуться на Саарему. С этой стороны архипелаг был наиболее беззащитен. Все укрепления, построенные на островах до войны, располагались, как правило, фронтом на запад и юго-запад. Теперь, уже в ходе боевых действий, это упущение надо было срочно исправить. А как?..

Об этом-то и шла речь на совещании у генерала Елисеева.

Обсуждение вопроса протекало довольно бурно. Столкнулось несколько мнений. В конце концов

комендант БОБРа согласился с предложением полковника Ключникова, поддержанного большинством. Было решено восточную часть самого крупного острова Саарема немедленно укрепить в инженерном отношении, усилить людьми и полевой артиллерией.

Ответственным за оборону этого района был назначен Ключников. В подчинение ему выделялись два стрелковых батальона, 37-й отдельный инженерный батальон БОБРа, артиллерийский дивизион 39-го артполка и батарея 79-го стрелкового полка, а также временная батарея 100-мм морских орудий.

После совещания командиры и политработники разъехались по частям и объектам. Я с начальником политотдела БОБРа батальонным комиссаром Лаврентием Егоровичем Копновым отправился на Памман. Нужно было проверить, как идут там оборонительные работы, по возможности ускорить их.

На полуостров добрались только ночью. Уже издали слышали звон пил, перестук топоров. Иногда земля содрогалась от взрывов: то саперы инженерно-строительного батальона подрывали камни. Вместе с красноармейцами трудилось местное население.

Здесь создавался новый укрепленный район. Рылись окопы, укрытия, строились блиндажи, дзоты.

Стояли белые ночи, и работа велась круглосуточно.

Мы не спеша обходили фронт работ, беседовали с людьми. Настроение у людей было неважное. Копнов сразу почувствовал это и начал выяснять причину. Саперы сперва мялись, недоговаривали.

— Да что вы, ребята, в жмурки играете? — рассердился Копнов. — Давайте напрямик. Сгнивший зуб выдергивают сразу. Ну кто объяснит толком, что тут у вас стряслось?

В задних рядах возникло движение. Красноармейцы, стоявшие вокруг нас, расступились.

Перед нами предстал старшина, уже отслуживший положенный срок, но задержавшийся в армии по случаю войны.

— Напрямик так напрямик, — зло заговорил он. — Мы тут в земле возимся, как детишки в песочке, а где-то бои идут, наши кровью истекают. Нечего нам тут делать! Давайте винтовки и посылайте на передовую. Фронт там, а не здесь.

Саперы одобрительно загудели, раздались возгласы:

— Правильно!

— Та-ак, — Копнов обвел бойцов внимательным взглядом. Он сразу понял, в чем дело. — Драться хотите? А кто сейчас не хочет бить врага? Все желают, но у каждого свое место в строю. Я бы тоже взял винтовку — и на передовую, вместо того чтобы вот тут с вами балачками заниматься. Думаете, у меня сердце — камень? Настроение ваше понимаю, но не одобряю. Сейчас не времена рукопашных схваток. Нынче без отличных инженерных сооружений долго не навоюешь. Ты, старшина, очутившись на передовой, сам же попросишься в прочный блиндаж или в добротный окоп.

— Ну, это как на кого. Я отсиживаться в земле не собираюсь, — не сдавался старшина.

— А если противник заставит? Война — не только атаки, наступательные бои, но и оборона. Об этом не думал? Наступление танков из-за кустика отбивать будешь?

Бойцы засмеялись, кто-то крикнул:

— Он у нас и против танков во весь рост пойдет. Дюже злой.

— И злым нужно быть с умом, — заметил Копнов. — Нам, товарищи бойцы, драться не один день. Людей нужно беречь. Вы своим трудом и делаете это. И пехотинцы и артиллеристы скажут вам только спасибо.

— Это верно, — согласился старшина. — Но душа-то, товарищ комиссар, на фронт рвется. Сердце не на месте. Совестно как-то здесь в тыловой тишине.

— А кто сказал, что здесь будет всегда тихо? Фронт может переброситься и на острова. Ясно?

На некоторое время воцарилось молчание. Потом раздалось сразу несколько голосов.

— Лихо.

— Доходчиво!

— Неужто и сюда заявится немец?

Копнов тоже выдержал паузу. А потом опять заговорил с обычной своей убежденностью:

— Враг, конечно, попытается захватить архипелаг. Вот тогда и навоюетесь вдоволь...

Бойцы молча разошлись по своим работам.

— Заглянем-ка, Петрович, к комбату, — предложил Лаврентий Егорович. — Сдается мне, такое настроение у людей неспроста.

Командир батальона еще не вернулся из отпуска. Его замещал капитан Еремин. Он попытался объяснить медленные темпы работы усталостью личного состава.

— Ну а если откровенно, капитан? — обратился к нему Копнов. — Нет ли иной причины?

Капитан подумал, шумно вздохнул:

— Может, и есть.

— Выкладывай.

— Не моя это работа — землю копать. Я кавалерист, мне конь нужен да клинок. Мое дело — врага рубить, а лопата мне не с руки.

Мы переглянулись. Коли командир рассуждает так, чего же спрашивать с подчиненных?

— Эх, Еремин, Еремин! — покачал головой Копнов. — Неужели тебе, командиру, да еще кадровому, объяснять, где сейчас твое место?

Капитан пытался оправдываться.

— Да я же... Сердцем, душой...

— Слышал, Павловский: у него — сердце, душа! А у других ничего такого не водится? Вот что, — сразу построжал Копнов, — дух из тебя вон, но строительные работы заверши в срок!

— А если тем временем немец Таллин возьмет?

— Таллин не последний город в Советском Союзе. Сдадим его, станем драться на других рубежах. А возможно, и здесь, на этой земле. Так просто, за здорово живешь, архипелаг не отдадим. Продержаться на островах надо как можно дольше. Ясно?

Капитан согласно кивнул головой. Копнов дружески шлепнул его по спине:

— Таким ты мне больше нравишься, Еремин.

— Вы бы к нам почаще заглядывали, товарищ батальонный комиссар, — улыбнулся капитан. — Мы тут на отшибе и всякое, знаете, в голову лезет.

— А ты это «всякое» отгоняй прочь. И хоть бьют нас, крепко бьют, в кровь бьют, тверди: «Врешь, не возьмешь. Все равно победим. Не можем не победить». Наше дело правое, силы у нас есть, а будет еще больше. В это-то ты веришь?

— А как же иначе? — горячо воскликнул капитан.

— Ну и отлично. А теперь бывай. Просьбу твою уважим, станем почаще присылать к вам работников из политотдела...

* * *

От Еремина мы опять вернулись в Курессаре. Там в штабе я неожиданно встретил разведчиков Куйста и Фомина. Ребята с понурым видом сидели у дверей кабинета Охтинского. Измазанные, небритые. Фомин поддерживал забинтованную руку. На повязке выступило красное пятно.

Куйст и Фомин были оставлены на материке, первый — в ударной группе лейтенанта Б. Егорова, второй — в сводном морском отряде. Я имел все основания удивляться внезапному их появлению в Курессаре.

— А мы всего минут десять здесь, — ответил Куйст. — Прямо из-под Виртсу. Немцы захватили город.

Слух об этом уже дошел до нас. Но мне хотелось знать подробности.

— С ходу заняли, — сказал Фомин. — Роту прикрытия выбили быстро. Да и что она могла сделать! У немцев большие силы. Танков много. Правда, в самом городе их не было видно. Встретили юго-восточнее Виртсу. Кажись, чешут прямо на Таллин.

— Что стало с отрядом Егорова и моряками?

Разведчики нахмурились.

— Кто их знает, — промолвил Куйст. — Стояли мы в хуторке, все было спокойно, а ночью вдруг ворвались мотоциклисты, потом танки. Такая неразбериха началась!.. Мне удалось добраться до леса. Там переждал до рассвета. Потом стал пробираться к побережью.

— Вот что, — перебил я разведчика, — пойдете к Охтинскому.

У Алексея Ивановича было полно народу. Что-то обсуждали. Дым от папирос стоял коромыслом.

— А, Павловский!.. Легок на помине, — встретил Охтинский. — Как раз нужен. Что-нибудь новое есть?..

— Есть, Алексей Иванович, — я посторонился, пропуская вперед Куйста и Фомина. — Вот они были под Виртсу.

— Давайте сюда, — пригласил разведчиков военком Дорофеев. — Садитесь и рассказывайте, что там.

— Мало хорошего, — произнес Куйст, присаживаясь рядом с бригадным комиссаром.

Он кратко рассказал о том, что видел под Виртсу.

— Про танки, про танки подробнее, — просил Охтинский. — Сколько их, где, какие?

— Сколько не знаю, — ответил Куйст, — а встретил их на дороге, километрах в тридцати северо-восточнее Виртсу. Там они... Гусеницами беженцев давили. Страшно смотреть было.

Наступило молчание.

— Да-а, — тяжело вздохнул Дорофеев, — вот оно какое лицо фашизма!.. Бомбежки мирных городов... гусеницами танков женщин и детей перемалывают...

Дальше Куйст поведал все по порядку.

...Вначале он шел один. Напрямик через леса и болота, держа путь на Виртсу. Хутора обходил стороной, потому что кое-где уже хозяйничали молодчики из местных профашистов. Под вечер добрался до леска, тянувшегося вдоль дороги, и присел отдохнуть. Здесь повстречал Фомина. Покурили, потолковали и только поднялись на ноги, чтобы продолжать путь вдвоем, как увидели беженцев: женщин, стариков, детей. Впереди — несколько машин с ранеными красноармейцами.

— Как бы они на немцев не напоролись, — заметил Фомин. — Надо предупредить.

— Не к чему, — возразил Куйст, — этих не тронут...

И только разведчики вышли к опушке леска, как вдалеке раздался глухой рокот. Он быстро нарастал. Через несколько минут из-за пригорка, лязгая гусеницами, выскочили танки. Не сбавляя скорости, они мчались на беженцев. Те остановились.

— Нужно увести людей в лес, — крикнул Фомин. — Подавят же их, подавят!

Бойцы бросились к дороге, но опоздали. Головная машина уже настигла задних...

У Куйста сорвался голос.

— Я почему-то думал, что танки свернут, — продолжал он. — Но они врезались в людей, смяли их,

потом догнали машины с ранеными и тоже раздавили... Одна женщина совсем обезумела и бежала впереди танка. На руках у нее был ребенок. Танк прибавил ходу. Женщина упала, ребенок отлетел в сторону. Это уже совсем недалеко от нас происходило. Женщина попыталась встать на ноги. Не смогла. Потянулась руками к ребенку, позвала его. Девочка сидела в пыли и плакала. То ли ушиблась, то ли испугалась. И вдруг около нее оказался Фомин. Он метнул в танк гранату, подхватил ребенка и подался в лес. Вслед ему хлестнула пулеметная очередь...

До темноты разведчики прятались в лесу. Девочка плакала, звала мать.

— Может, жива она? — не вытерпел Фомин. — Идем посмотрим.

Куйст согласился. Он не видел, подмял ли под себя танк ту женщину или нет: пулеметная очередь заставила его броситься ничком на землю...

Дорога в призрачно-холодном свете белой ночи выглядела жутко. На обочинах и в кюветах лежали раздавленные танками люди. Разбитые грузовики валялись вверх колесами. Тускло мерцали осколки стекол, выбитых из кабин. Глухо и тревожно гудели вершины редких придорожных сосен.

Тело женщины было буквально вдавлено в землю. Куйста едва не стошнило. Он быстро зашагал прочь.

Нужно было куда-то пристроить ребенка, и разведчики отправились на ближайший хутор. Постучались в дверь. Долго никто не отвечал. Наконец скрипнула половица, раздались легкие шаги. Испуганный женский голос спросил:

— Кто?

— Свои, — по-эстонски ответил Куйст.

Дверь распахнулась. Вместе с хозяйкой на крыльцо вышел и хозяин. Увидев на разведчиках гимнастерки, мужчина нахмурился:

— Уходите.

— Нам ничего от вас не нужно, — заговорил Куйст, — только разрешите девочку оставить. Там, на дороге, немцы танками беженцев подавили и ее мать тоже.

— Врешь ты, — не поверил мужчина.

— Сходите посмотрите.

— Боже! — воскликнула хозяйка. — И детей?

— И дети были.

Женщина выхватила из рук Фомина ребенка и быстро удалилась, сердито бросив мужу:

— Иди принеси им хлеба и сала. Да скажи, где укрыта лодка...

На этом Куйст и закончил свой невеселый рассказ.

* * *

Я оставил разведчиков у Охтинского и поспешил к коменданту БОБРа.

Генерал Елисеев разговаривал по телефону с Ключниковым. По обрывкам фраз я догадался, что тот говорит из Куйвасту и докладывает о падении Виртсу.

Почти тут же пришла радиограмма из Рохукюла. Передовые части противника завязали бой с мелкими подразделениями 16-й стрелковой дивизии и начали теснить их к морю.

Командующий встревожился:

— Если противник захватит Рохукюла и Хаапсалу, то мы окажемся начисто отрезанными от материка. Надо немедленно вернуть Виртсу и помочь нашим войскам под Рохукюла и Хаапсалу.

Для захвата Виртсу был создан специальный десантный отряд. В него вошли два стрелковых и один саперный батальон, рота морской пехоты и противотанковая батарея. Перед десантниками

поставили задачу: освободить Виртсу, попытаться отыскать группу лейтенанта Егорова и установить контакт с разрозненными мелкими подразделениями 16-й стрелковой дивизии, действовавшими на побережье. Если позволит обстановка, наступать в направлениях на Пярну и Марьяма. Цель этого плана была ограниченной — в какой-то мере дезорганизовать тыл противника и задержать продвижение гитлеровцев на Таллин.

На рассвете 11 июля десантники погрузились в порту Куйвасту на суда. Отряд сопровождали два миноносца.

В легкой предрассветной дымке транспорты отошли от причала и взяли курс на Виртсу. Еще раньше на маленький остров Кессулайд отправились корректировщики 43-й батареи тяжелых морских орудий во главе с Анатолием Петровичем Смирновым. Молодой лейтенант, недавно окончивший училище, установил наблюдательный пост на маяке. Оттуда хорошо просматривалось побережье, занятое противником.

Командир батареи старший лейтенант Василий Георгиевич Букоткин, героический Букоткин, как назвал его впоследствии Ключников, после боя за Виртсу рассказал мне, что он неохотно отпустил Смирнова на Кессулайд и согласился это сделать лишь под нажимом военкома Григория Андреевича Карпенко. Задание было ответственным. Требовалось быстро обнаружить позиции вражеской батареи, которая уже начала обстреливать остров Муху. Букоткин хотел сам отправиться на маленький остров, но Карпенко отговорил.

— Да полагись ты на лейтенанта, — настаивал старший политрук. — Парню хочется побывать в деле. Он в лепешку расшибется, а задание выполнит.

За сутки, проведенные на Кессулайде, Смирнов внимательно изучил позиции гитлеровцев и перед самым выходом десанта в море передал необходимые сведения на Кубассар.

— А батарея, батарея где, лейтенант? — запросил Букоткин.

Указать позиции немецких артиллеристов Смирнов не мог. Он сначала было засек батарею, но через полчаса она открыла огонь с другого места, выпустила с десятков снарядов и надолго умолкла.

Лейтенант расстроился.

— Утром они откроют огонь по нашим судам, вот тогда смотрите в оба, — успокоили его корректировщики.

Так оно и произошло. Заметив на подходе к Виртсу советские суда, гитлеровцы открыли по ним артиллерийский огонь. Из-за тумана над морем Смирнову никак не удавалось обнаружить дымки от выстрелов. Лишь когда подул ветерок и серая муть рассеялась, лейтенант засек батарею. Сделав расчет, Смирнов передал данные Букоткину. Наши стотридцатимиллиметровки сразу же подавили вражеские орудия.

Смирнову удалось нащупать и штаб фашистского гарнизона. В стереотрубу он видел, как в результате обстрела рухнуло здание и рядом с ним начался пожар.

— Молодцы батарейцы! — ликовал Смирнов.

Вслед за береговыми орудиями заговорили полевые батареи, расположенные на Муху. Артиллеристы надежно прикрывали десант.

Корабли быстро пересекли пролив, но вплотную подойти к берегу из-за отмелей и подводных камней им не удалось. Десантники высаживались прямо в воду.

Под плотным пулеметным и автоматным огнем небольшой группе удалось выскочить на берег и зацепиться за него в районе рыбацкого пирса.

Гитлеровцы пошли в контратаку. На помощь высадившимся подоспели морские охотники Алексея Финочко. Их орудейный и пулеметный огонь заставил фашистов отойти от пирса.

Бой разгорелся и у дамбы. Сбив противника с этой удобной позиции, десантники ворвались в город. Начались уличные схватки. Длились они недолго. Остатки вражеского гарнизона, отбиваясь, отошли в сторону Пярну.

Не встречая серьезного сопротивления, десант продвинулся в глубь побережья больше чем на пятьдесят километров, захватил городок Пярну — Яагупи и там закрепился.

Бой за Виртсу имел для нас большое моральное значение. Защитники Моонзунда на деле убедились, что хвастливых гитлеровских вояк можно бить, и бить успешно. Черт оказался не таким страшным. Успех под Виртсу, пусть не очень значительный, еще больше укрепил боевой дух моонзундцев.

Врагу — ни дня покоя

В июле начались бои на морских коммуникациях противника. К тому времени гитлеровцы овладели Либавой и Ригой. Отряд легких сил Краснознаменного Балтийского флота отошел на рейды Моонзунда — в Курессаре, Менту (на острове Саарема) и Куйвасту (на острове Муху). На побережье материковой части Эстонии, до того как фашисты начали активные операции против защитников архипелага, базой для боевых кораблей служил порт Рохукюла.

Наши легкие корабли ставили мины в Ирбенском проливе, нападали на транспорты, перевозившие войска и боевую технику для группы армий «Север».

Первый морской бой разыгрался 12 июля. В тот день вражеский конвой попытался прорваться через Ирбенский пролив. Его обнаружила наша авиационная разведка. Командиру дальнобойной батареи, расположенной на полуострове Сырве, капитану Стебелю было приказано не пропустить вражеские корабли в Рижский залив.

— Одни справитесь? — спросил его по телефону начальник штаба БОБРа подполковник Охтинский.

— Часть может проскочить.

— Ничего. Кое-чем обещали помочь из Таллина.

Спустя несколько минут, когда на горизонте показались дымы, на мысе Сырве заговорили башенные орудия 315-й батареи. Мощные раскаты доносились до Курессаре. Они были похожи на далекий гром.

Противник шел прижимаясь к латвийскому побережью.

Начальник оперативного отдела штаба Береговой обороны майор Шахалов справлялся у Стебеля, как идут

дела. Капитан доложил, что в двух местах видит пожары. Вероятно, снаряды угодили в транспорты.

Узнав об этом, Елисеев обрадовался.

— Отлично! Поблагодарите от моего имени батарейцев. Передайте заодно, что скоро к месту боя подоспеют наши самолеты.

— Уже летят, — Охтинский подошел к окну и еще шире распахнул рамы.

Откуда-то сверху слышался отдаленный гул. Он нарастал, и вскоре в безоблачном небе появились черные точки. Когда бомбардировщики приблизились к Курессаре, для их прикрытия поднялись наши истребители И-16. Ястребки пристроились выше тяжелых машин.

В орудийную канонаду вплелись разрывы бомб. Немного позже немецкий конвой атаковали наши миноносцы, базировавшиеся в Рохукюла. Они нанесли удар по транспортам, когда те втягивались в Усть-Двинск.

В этом бою гитлеровцы потеряли пять кораблей.

* * *

Увязшие в тяжелом сражении на ленинградском направлении, гитлеровцы в тот период вели против моонзундцев в основном разведывательные бои да забрасывали к нам на острова диверсантов и шпионов.

А мы тем временем усиливали оборону архипелага, сооружали новые укрепления.

В начале августа на остров Саарема перебазировалась авиагруппа под командованием полковника Е. Н. Преображенского. В то время фашистская печать и радио, передавая сводки с фронта, убеждали население, что советская авиация якобы уничтожена и потому опасности нападения на

германские города с воздуха не существует. Этот самообман дорого обошелся гитлеровцам. Посчитав желаемое за действительность, они приблизительно до середины августа не затемняли города.

И вдруг в глубоком тылу Германии стали рваться по ночам бомбы. Запылали пожары на военных объектах Берлина, Гамбурга, Штеттина. Вначале фашистское командование отнесло эти внезапные воздушные нападения на счет английских ВВС, но вскоре дозналось до истины и отдало приказ разыскать аэродромы, где базируются советские бомбардировщики. Подозрение прежде всего пало на Моонзундский архипелаг, и в первую очередь на остров Саарема. Отсюда ближе всего до Германии.

На Саарему зачастили воздушные разведчики, но обнаружить место базирования наших бомбардировщиков им не удалось. Самолеты были хорошо замаскированы в лесу. Тогда гитлеровцы привлекли на помощь местных фашистских молодчиков из кайцелитов и измайлитов, заслали на остров своих лазутчиков.

Генерал Елисеев распорядился, чтобы я взял под особый контроль район, где стояли дальние бомбардировщики Преображенского. В первые дни ничего подозрительного вблизи аэродрома замечено не было.

Но однажды ночью, когда я только улегся спать, вернувшись из поездки на материк, ко мне явился посланец от Охтинского. За день я чертовски устал и заснул мгновенно. Очнулся оттого, что посыльный сильно тряс меня за плечи, приговаривая:

— Товарищ старший политрук! Товарищ старший политрук!

Я с трудом открыл тяжелые веки.

— Вас вызывают в штаб. Срочно.

Сон как рукой сняло. Быстро ополоснулся под краном и поехал, гадая, зачем так спешно понадобился. По дороге машинально отметил, что на улицах Курессаре сильно пахнет гарью.

— Ну и здоров же ты спать, — встретил меня Охтинский. — Телефон оборвали, звонили тебе. Немцы минут тридцать порт бомбили, пожары были, а ты спишь. Смотри «гостей» проморгаешь.

— Каких гостей? — не понял я. — Кто-нибудь с Большой земли летит к нам?

— С Большой, да только не нашей. Грядунов передал о появлении в районе аэродрома кайцелитов. Бери своих людей и немедленно выезжай.

Сборы заняли немного времени. Отряд погрузился на автомашины, и через час мы уже начали прочесывать лес в окрестностях аэродрома.

Истребители на добрую половину были новичками, еще не нюхавшими пороху. Держались они неуверенно, при каждом шорохе вздрагивали, тревожно оглядывались по сторонам. Я старался быть поближе к ним.

Ночью в лесу непривычному человеку вообще жутковато, а тут война... Каждую секунду жди выстрела из засады. В открытом бою куда спокойнее, это я знаю по себе. Прошел хорошую школу еще в гражданскую войну, когда вот таким же, как эти ребята, необстрелянным юнцом вылавливал по лесам разномастных бандитов.

Лунный свет, пробиваясь сквозь кроны деревьев, размытыми пятнами ложился на землю, заваленную опавшей хвоей и сушняком. Трещало под ногами, шуршали раздвигаемые кусты. Я внимательно следил за бойцами. Рядом со мной молодой красноармеец. Это Петухов, гармонист отряда. Владеет он инструментом хорошо, но нервами своими неважно. Чувствую это по его напряженной походке, ссутулившейся спине,

резким движениям головы, когда он поворачивает ее на какой-нибудь звук.

На всякий случай держусь невдалеке от него. В такой напряженной обстановке и один человек может вызвать панику. Петухов — колхозник, призван в армию перед самой войной. Паренек впечатлительный, очень любит природу, пописывает стихи, все больше лирические. Когда выдался подходящий момент, я попросил прочитать что-нибудь. Согласился. Вирши так себе, ни два ни полтора. Из деликатности похвалил. Петухов учуял в моих словах неискренность, обиделся и смолк.

Петунин, земляк Петухова, тракторист из того же колхоза, сказал без лукавства:

— Стихотворец он, товарищ старший политрук, действительно неважный, зато гармонист замечательный. Мехи его гармошки как живая душа. В колхозе по нему все девки сохнут. Ни по одному парню так не печалились, как по Сережке, когда его в армию провожали.

— Наверное, невесту дома оставил? — поинтересовался я.

— Не-е, это вот он, Петунин...

В этот момент тишину ночи разорвала автоматная очередь. Перекатами понеслось по темному лесу эхо. Петухов рванулся было в сторону. Я окликнул его:

— От пули в кусты не спрячешься.

— С непривычки... — смущенно проговорил гармонист.

— Ничего, обвыкнешь, со многими случается такое.

Из-за дерева выскочил красноармеец:

— Где старший политрук?

Я шагнул вперед.

— Товарищ старший политрук, старший лейтенант Грядунов просит вас обойти кайцелитов с фланга.

Снова прогремели выстрелы, не наши — вражеские. В ответ раздался сухой треск винтовок. Началась перестрелка. Где-то впереди раздался возглас:

— Бей гадов!

— Передайте Грядуну, пусть сковывает бандитов огнем, а мы пойдем в обход.

Бой длился недолго. Кайцелитов загнали в небольшую ложбинку, окружили и вынудили сложить оружие.

— Допросите их, Куйст, — приказал я, — неспроста они оказались в районе аэродрома.

Пленные сперва отмалчивались.

— Что ж, — сказал Куйст, — видимо, проку от вас никакого, зря брали живьем. Остается одно — пустить в расход.

Предатели заволновались. В середине толпы возник какой-то шум. Кто-то порывался выйти, но его держали. Мы с Куйстом обменялись понимающими взглядами.

В конце концов кайцелиты развязали языки и сообщили, что в районе аэродрома должен быть сброшен немецкий парашютист с рацией. Их задача состояла в том, чтобы в случае надобности помочь лазутчику скрыться. Больше они ничего не знали.

Остаток ночи прошел без происшествий. Днем я тщательно осмотрел местность, расставил людей.

К вечеру, когда солнце застряло в верхушках сосен и на стволах запылал бронзовый пожар, из-за леса неслышно вынырнул вражеский самолет. Он планировал с выключенным мотором. Через несколько секунд от него что-то отделилось. Метрах в двухстах от земли в небе распустился парашют. Гитлеровец опустился километрах в двух от аэродрома. На поимку его я отрядил группу бойцов во главе со старшиной В. Зотовым.

— Смотри, — предупредил его Грядун, — пока доберетесь до места приземления фрица, стемнеет.

Берите его без промедления, иначе уйдет.

— Не беспокойтесь, товарищ старший лейтенант, — ответил старшина, — я шахтер, глаза у меня привычные к сумеркам. Никуда не денется.

Парашютиста доставили часа через два. Он недолго заперся. Сознался, что радист и идет на связь с агентом, который должен передать ему сведения о местах базирования советских бомбардировщиков и указать расположение склада с горючим.

— Когда состоится встреча? — спросил я.

Немец пожал плечами и что-то сказал.

— Не знает, — перевел Куйст, — ему велено ждать.

— Где?

Гитлеровец попросил отобранную у него карту и указал координаты.

Минули сутки, связной не появлялся. На всякий случай я решил предупредить Преображенского и днем отправился к нему. Подходя к командному пункту, в густой тени деревьев увидел группу авиаторов. Среди них был и полковник Преображенский. С ним беседовал невысокий худощавый человек в генеральской форме — показывал на карте, разостланной прямо на траве, какие-то пункты.

«Кто бы это мог быть?» — подумал я.

На архипелаге до сих пор был только один генерал, Елисеев.

Минут через двадцать полковник Преображенский освободился.

— Начальство прилетело, — пояснил он, — генерал-лейтенант Жаворонков. А вон тот, что рядом с ним, — Владимир Коккинаки.

— Насчет полетов на Берлин? — любопытствовал я.

— Да.

— О Москве не рассказывали? Как там?..

— Спокойно. Немцы пытаются бомбить столицу, но безуспешно. Лишь изредка прорываются отдельные самолеты. ПВО работает надежно. О ночном таране Виктора Талалихина слышали?

Я кивнул головой.

— Ну а других новостей нет. Какие у вас?

Я доложил ему обо всем, что удалось вызнать у плененного нами парашютиста, и попросил полковника усилить охрану у самолетных стоянок.

— Сделаем, — заверил Преображенский и тут же насторожился. — Кажется, опять летят.

Где-то далеко-далеко послышался гул авиационных моторов. Раздался сигнал воздушной тревоги.

— Трое суток не появлялись, — произнес Преображенский. — Вы правы, Павловский, вероятно, немцы что-то разузнали про нас. Давайте в укрытие.

Первая группа вражеских самолетов сделала круг над аэродромом и скрылась. Затем появились еще две группы... Бомбежка началась не сразу. Вначале они тоже только кружили над летным полем, что-то высматривая. Потом сбросили серию бомб. С края траншеи, куда увел меня Преображенский, посыпалась земля.

Со следующего захода бомбы начали рваться в лесу по краям аэродрома.

— Так и до самолетов доберутся, — высказал я свои опасения.

— Нет, — уверенно ответил Преображенский, — не достанут. Мы тоже не лыком шиты. А вот летное поле покорежат — это верно.

Когда «хейнкели» отбомбились, я отправился к своим.

И снова томительно потянулись часы ожидания. Днем хорошо. Припекало солнышко, ветерок гулял по вершинам сосен, насвистывая свою незамысловатую песенку. Когда дуло сильнее, сосны как бы кланялись

проплывавшим над ними облакам. По стволам скользили косые срезы солнечного света. С моря доносился запах сырых камней и гниющих водорослей.

Можно было вздремнуть или помечтать, мысленно побыть наедине с родными.

Где они теперь? Куда их забросило в эту лихую годину? Скоро два месяца, как от Клавы нет вестей. Запрашивали Большую землю, но разве уследишь в таком водовороте за одним человеком, одной семьей?! Наши отступают по всему фронту. Прежние позиции удерживаются только на самом севере. Миллионы людей снялись с обжитых мест. Перемещаются в глубь страны фабрики и заводы. Железные дороги забиты беженцами. Где-то среди них и мои. А может, накрыл их огнем своих пулеметов фашистский стервятник, разворотил бомбами железнодорожное полотно, опрокинул под откос поезд с сотнями женщин, детей и стариков?

От такой мысли мурашки забегали по спине. Нет, уж лучше не думать о родных. Я поднялся и отправился проверять посты. Бойцы, затаившись кто где: в кустах, ложбинках, у комлей вывороченных деревьев, — по своему коротали время. Одни тихонько переговаривались, другие писали письма, третьи просто дремали либо лежали с закрытыми глазами. Бодрствовали только наблюдатели.

Из воронки от бомбы доносились голоса. Я заглянул в нее, увидел Петухова с Петуниным.

— Ты вот все молчишь, Серега, — точно укоряя друга, говорил Петунин, — а я не могу. Все о Гале своей думаю. Как там она? А может, тоже на фронт подалась? Она ведь бедовая. Верно?

— Ну верно, — нехотя согласился Петухов, покусывая травинку. — Только в армию ее не возьмут.

— Это почему же?

— Не специалист она никакой по военной части, а колхозница хорошая, работающая. Больше в хозяйстве нужна, пусть там и остается. Колхоз наш, поди, совсем обезмужичил, каждая пара рук дорога. Хлеб уже созрел. А там овощи подойдут. Кто убирать станет? И на войне есть надо. Вон армия-то какая, прокорми ее. Один ты за день сколько уминаешь.

— Да, уж и сам дивлюсь: война... кусок должен застревать в горле, а я...

Петунин махнул рукой. Петухов тихонько засмеялся:

— Я вот возьму и напишу твоей Гале, как ты, вместо того чтобы врага бить, со щами да кашей воюешь.

— А кого тут бить-то? — рассердился Петунин. — Какого-то паршивого связного уже трое суток ждем. Может, набрехал тот парашютист и нет никакого связного, а мы время даром теряем... И вообще, надоело мне по лесам рыскать, разную шваль вылавливать. Уйду на батарею, а то на тральщик попрошусь.

Разговор заинтересовал меня. Я хотел еще послушать, но под ногой некстати хрустнула ветка. Бойцы мгновенно вскочили. Увидев меня, Петунин счел нужным доложить.

— Мы тут, товарищ старший политрук... В общем, все в порядке.

А в глазах вопрос: слышал ли я их разговор?

— Хорошо замаскировались, — дипломатично успокоил я бойца. — И обзор что надо. Уж мимо вас незамеченным не пройдет никто.

* * *

Наступила ночь, звездная, тихая. Сомнения начали закрадываться и в мою душу. А вдруг парашютист действительно солгал? Допросить бы его снова. Но гитлеровца уже отправили в Курессаре.

— Что скажешь, Иван Дмитриевич?

— Думаю, — помедлив, ответил Грядунов, — так просто, зазря, не стали бы посылать человека с рацией. Один он без чьей-либо помощи не справился бы с заданием. Надо ждать. Наше дело такое.

И мы дождались. На рассвете Петухов и Петунин задержали неизвестного. Одетый в старые красноармейские брюки и стеганку, он выдавал себя за рыбака из Кихельконна.

— Далеко что-то забрался рыбу ловить, — с усмешкой заметил Куйст.

— Иду по своим делам в Тригу, — ответил задержанный.

— Ночью через леса и болота?

— Заплутался малость.

Куйст задал еще несколько вопросов и, переведя мне ответы, убежденно сказал:

— Он самый.

Потом наклонился к уху и прошептал:

— На всякий случай можно взять на испуг.

Я понял и громко скомандовал:

— Расстрелять!

Куйст повторил по-эстонски. Старшина Зотов вскинул винтовку и дулом подтолкнул лазутчика в спину. Неизвестный вздрогнул, метнул глазами по сторонам и вдруг что-то торопливо проговорил, обращаясь к Куйсту.

Вольдемар усмехнулся:

— Струсил. Сознается: шел на связь с парашютистом. Берите его.

Когда шпиона увели, Куйста стали одолевать сомнения:

— Сдается мне, товарищ старший политрук, что этот тип не все сказал, что-то утаил. Вы его допросите в Курессаре, а мне разрешите с несколькими бойцами остаться здесь на пару суток.

— А яснее о своих догадках можете сказать?

— Вы заметили вчера вечером немецкий самолет?

Да, вчера воздушный разведчик раза два пролетал над аэродромом. До его появления была бомбежка. Очевидно, противник послал разведчика сфотографировать результаты.

А Куйст между тем продолжал:

— Если бы только самолет, я бы и докладывать вам не стал. Тут еще и другое... Может быть, это случайное совпадение, а может, и сигналы хитрые.

— Какие сигналы?

— С земли самолету-разведчику.

И Куйст поделился своими наблюдениями. Он рассказал о подозрительном пахаре в белой рубашке.

Отослав отряд в Курессаре, я с Куйстом и несколькими бойцами задержался в районе аэродрома еще на сутки. Сходил к летчикам, поинтересовался, что у них может быть в лесу на северо-западной окраине аэродрома. Оказалось, недавно они перебазировали туда горючее.

— Понятно...

— Что понятно? — насторожился Преображенский.

— Придется вам склад горючего перевести в другое место. Чем быстрее это сделаете, тем лучше.

Я рассказал о странном пахаре. Но догадку нашу надо было еще проверить. Этим мы и занялись.

На другой день вновь появился фашистский разведчик. И тотчас на поле показался пахарь. Белая рубашка его хорошо выделялась на свежей пахоте. Поглядев на самолет из-под ладони, человек начал пахать.

Бросилось в глаза то, что борозды он вел с юго-востока на северо-запад до самой опушки леса. Как раз в то место, где Преображенский хранил авиабензин.

И как только самолет улетел, пахарь прекратил работу. Теперь сомнений не было: это наводчик.

Его мы задержали. А на другой день немцы усиленно бомбили лесок. Но склада горючего там уже не было.

* * *

Дерзкие налеты наших миноносцев и торпедных катеров на морские коммуникации противника выводили фашистов из себя. Позднее я имел возможность убедиться, что штаб морского командования гитлеровцев настойчиво требовал быстрее выдернуть моонзундскую «занозу». Однако до поры до времени дело это откладывалось. Вплотную враг занялся архипелагом только в сентябре.

Чтобы лучше раскрыть намерения противника, требовалось добыть «языка». Это было поручено старшине В. Ануфриеву.

Раньше старшина служил на тральщике. Когда фашисты захватили Либаву, корабль ушел в Таллин. Но где-то в Рижском заливе его перехватили вражеские бомбардировщики. Завязался недолгий бой. После нескольких прямых попаданий бомб тральщик затонул. До берега было далеко, и почти весь экипаж погиб. Спаслось только несколько человек. В их числе оказался и Ануфриев. Его подобрала рыбаки и доставили в Курессаре.

Ануфриев имел легкое ранение и был положен в госпиталь. Там я и познакомился с этим рослым красивым парнем, подыскивая для своего отряда людей, владеющих эстонским и немецким языками.

Ануфриев сам попросился в отряд. Я согласился не сразу:

— Поправишься — пойдешь на другой тральщик.

— Возьмут ли на другой — это еще вопрос, — резонно возразил Ануфриев. — Кораблей нынче раз-

два — и обчелся, а нашего брата с избытком. Думаю, что больше в такой обстановке сгожусь в отряде.

— Это почему же?

— Да я вам один двоих заменить могу: балакаю по-эстонски и немецкий хорошо знаю.

— Ну тогда другое дело. Ты до службы на флоте чем занимался?

— Токарем, в Николаеве на заводе работал. Там и немецкий язык постиг. С детства, можно сказать. У нас немцев-колонистов полно было...

Через неделю после этого разговора Ануфриев выписался из госпиталя и явился к нам. Я сразу испытал его в деле — во время высадки нашего десанта на материк. Справился он с заданием хорошо. Потом недели две вел наблюдение за морем. И тоже успешно.

Лишь после этого я послал его с заданием в тыл противника, на материк. Переодевшись в гражданское платье, Ануфриев под видом рыбака стал действовать на побережье в районе Пярну. Свел знакомство кое с кем из местных жителей. Стал снабжать немецких офицеров свежей рыбой.

Принесет улов, поторгуется, посетует на трудности, а потом расскажет что-нибудь веселое. Гитлеровцы привыкли к Ануфриеву и частенько при нем беседовали о служебных делах. Само собой разумеется, все эти разговоры немедленно становились известными генералу Елисееву.

Комендант БОБРа сам назвал фамилию Ануфриева, когда потребовалось добыть «языка». Подчеркнул, что желательнее, конечно, захватить офицера.

И вот минул день, другой. От Ануфриева ни слуху ни духу. Я заволновался: не случилась ли беда? Тревожился, по-видимому, и Елисеев: несколько раз звонил по телефону, спрашивал о старшине.

Пошли третьи сутки. Я начал подумывать, не послать ли к Ануфриеву Куйста. И вдруг из

расположения 37-го отдельного инженерного батальона докладывают:

— Тут охрана задержала какого-то Ануфриева...

«Жив», — с облегчением подумал я и первым делом спросил:

— Он в каком состоянии, как чувствует себя?

— Да здоров. Только он не один — вместе с фрицем. Обнаружили их в море. Он что, ваш человек?

— Немедленно доставьте обоих в штаб, — распорядился я.

Через час к штабу подкатила машина. Я и мой заместитель старший лейтенант Грядунов встретили Ануфриева на улице. Старшина выпрыгнул из кузова и доложил:

— Товарищ старший политрук, задание выполнено.

В полуторке сидел немецкий обер-лейтенант. Светлоглазый, большеносый, гитлеровец демонстративно не спешил вылезать из кузова. Увидев перед собой командиров, офицер браво выбросил вперед руку и выкрикнул:

— Хайль Гитлер!

Ануфриев хмуро посмотрел на пленного и досадливо сплюнул.

— Слабо я этого подлеца стукнул, надо было посильнее.

— Видать, и он тебя стукнул, — заметил Иван Дмитриевич Грядунов.

— Да, уж не без того, — Ануфриев потрогал пальцами синяк под левым глазом. — Когда очухался, гад, саданул меня, аж искры посыпались. С норовом и сейчас выкобенивается.

— Ну, ты, чистокровный, двигай!

Гитлеровец отшатнулся и что-то быстро проговорил, обращаясь ко мне.

— Что он говорит, Вольдемар? — спросил я Куйста.

— Старшиной недоволен, — пояснил Куйст, — требует, чтобы с ним, как с офицером, обращались должным образом.

— Дать бы ему должным образом русского «леща», — пробурчал Ануфриев и отвернулся.

По документам, найденным у обер-лейтенанта, мы установили, что он офицер штаба сухопутного соединения, направлялся в качестве связного к командующему морскими силами гитлеровцев на Балтике. При допросе его узнали, что противник для захвата архипелага создает особую группировку. Ей придаются крупные понтонные и авиационные подразделения и большое количество артиллерии.

Эти силы раза в три с лишним превосходили те, которыми располагало командование БОБРа.

* * *

Когда противник начал бои за Таллин, Военный совет Краснознаменного Балтийского флота приказал БОБРу выделить для поддержания защитников эстонской столицы усиленный полк. На материк были высажены два батальона с острова Саарема и один — из состава гарнизона Хиумы. Они вступили в бой с ходу.

Из Кронштадта в это время поступило распоряжение, отменяющее предшествовавшее. Но ввиду того что переброшенные подразделения уже вели боевые действия и имели успех, командование Береговой обороны решило вернуть на архипелаг лишь один батальон. Дня три-четыре инициатива была на нашей стороне.

С падением Таллина положение резко изменилось. Враг получил возможность обратить часть своих освободившихся войск против защитников Моонзунда.

Наши подразделения Береговой обороны начали отход на Виртсу и Рохукюла.

2 сентября военком БОБРа Зайцев получил из Кронштадта телеграмму:

«Положением островов интересуется Главком. Связи оставлением Таллина ваша ответственность за упорную оборону островов увеличивается.

Предупреждать возможные отрицательные настроения.

Допускать, что придется долго держаться своими силами. Берегите людей, боевой запас, продукты, топливо. Желаю успеха.

Смирнов».

Командование БОБРа, обсудив положение и видя, что Виртсу не удержать, приказало перебросить людей и технику на острова. Генерал Елисеев распорядился мобилизовать для этого все плавсредства.

Переправу личного состава и техники поручили капитан-лейтенанту Финочко. В штабе знали: Алексей Дмитриевич ляжет костями, но не оставит на материке ни одного бойца.

В мужестве и отваге этого замкнутого малоразговорчивого моряка никто не сомневался, хотя знали мы его еще мало.

Война застала Алексея Дмитриевича заместителем командира дивизиона морских охотников, охранявших латвийское побережье. После падения Вентспилса и Либавы Финочко с остатками дивизиона подался на острова, явился в штаб БОБРа.

Охтинский попросил Финочко рассказать о положении в Латвии. Моряк отвечал на вопросы коротко и четко. Начальнику штаба он пришелся по душе.

А уже на другой день имя Финочко стало известно всем. Произошло это так.

С утра я готовил своих людей для переброски на материк. Поступили сведения, что в районе Вигула концентрируются профашистские молодчики. Я решил проверить, так ли это, и отрядил туда группу истребителей. Люди уже сели в катер, как вдруг раздался крик:

— «Юнкерсы»!

Я огляделся. В миле от берега, вздымая по носу бурун, мчался морской охотник. Судно часто меняло курс. Его преследовали фашистские бомбардировщики. Когда ведущий поравнялся с охотником, из-под фюзеляжа оторвались две черные точки.

Взметнулись фонтаны воды. Охотник резко накренился, сделав поворот почти на девяносто градусов. Бомбардировщик пронесся мимо и пошел на второй заход. Ведомый положил бомбу прямо по курсу корабля. На бак обрушился каскад воды.

Завязался неравный поединок. Надежды, что морякам удастся невредимыми выбраться из такого переплета, не было.

На повторную бомбежку «юнкерсы» устремились еще с меньшей высоты. Гитлеровские летчики хотели бить наверняка. Охотнику следовало быстрее уходить под защиту зенитной батареи, расположенной у порта Курессаре, но судно почему-то не шло к берегу, а продолжало носиться по морю, непрерывно меняя курс.

— Ошалел совсем! — сердито произнес Грядунов.

— Может, с рулем непорядок, — предположил кто-то.

— Смотрите, — крикнул один из разведчиков, — моряки ведут огонь!..

И верно, в сторону самолетов от охотника тянулись следы трассирующих пуль и снарядов.

Во время третьего захода один «юнкерс» напоролся на огневой заслон и задымил. Некоторое время он продолжал лететь, потом свалился на крыло и стал падать в море. Через минуту у горизонта поднялся столб воды.

— Есть один! — радостно закричали бойцы. — Жмите, морячки, дайте прикурить фашистам!

Но второй бомбардировщик развернулся и стал уходить в сторону латвийского побережья, только тогда морской охотник изменил курс и направился в порт.

В штабе я узнал, что бой с «юнкерсами» вел Финочко. С тех пор за Алексеем Дмитриевичем и утвердилось слава бесстрашного моряка, хорошего командира...

Для переброски наших подразделений на остров Муху было выделено несколько транспортов и буксиров.

На рассвете под прикрытием тумана Финочко повел суда к рыбацкому пирсу Виртсу.

Батареи Муху и букоткинцы приготовились надежно прикрыть эвакуацию. Корректировщики во главе с лейтенантом Анатолием Смирновым передавали необходимые данные.

К причалу суда подошли не замеченные противником. Началась погрузка людей и техники. Велась она тихо, и враг обнаружил переправу, лишь когда часть кораблей уже вышла в море. Фашисты тотчас открыли шквальный огонь из орудий и пулеметов. Били по транспортам и по пирсу.

На корабле, загруженном боеприпасами, вспыхнул пожар. Люди в панике стали бросаться в море. Капитан-лейтенант Финочко немедленно поспешил на помощь.

Один за другим суда покидали Виртсу. Последним отвалил от пирса буксир. Недалеко успел он отойти, как в его корму угодила вражеский снаряд. Судно резко сбавило ход и стало отличной мишенью. Море вокруг закипело от взрывов и раскаленных осколков.

Корабль мгновенно лишился мачты, трубы и мостика. Прямым попаданием снаряда разворотило борт, в пробоину хлынула вода. Буксир вздрогнул, остановился и начал крениться. Бойцы и матросы покинули гибнущий корабль. На воде среди всплесков, поднимаемых снарядами, замелькали руки, головы. Тонущих людей опять стал выручать из беды Финочко.

В суматохе боя на пирсе забыли хозяйственников. Сгрудившись на пристани среди полевых кухонь и прочего инвентаря, они отчаянно махали руками.

— «Забрать хозяйственников», — передали сигнал с командирского судна.

К пирсу устремились сразу два охотника.

— Ну, сало-мыло, — раздалось из мегафона, — грузитесь, да живее.

Под острые незлобивые шутки моряков тыловики перебрались на борт катеров.

Тем временем батальон прикрытия под командованием капитана Исхака Абдулхакова вел жестокий бой с противником, который рвался в город через восточную окраину. Несколько танкеток, имевшихся в его распоряжении, Абдулхаков превратил в подвижные доты. Слева от шоссе поставил противотанковую батарею. Редкие цепи бойцов вынес несколько вперед.

Первая же попытка гитлеровцев сбить прикрытия провалилась.

Тогда фашисты решили ошеломить оборонявшихся красноармейцев и пошли в психическую атаку, во весь рост, как на параде. Наши бойцы глазам своим не поверили, увидев такую картину. Стрельба прекратилась.

После автоматной и винтовочной трескотни, грохота артиллерийских разрывов тишина казалась какой-то оглушительной. Слегка раскачиваясь, ровными рядами шли серо-зеленые фигуры в стальных касках. На

коротких стволах автоматов играли лучи утреннего солнца. Белели руки, оголенные по локоть. Тяжелые кованые сапоги с короткими голенищами твердо и уверенно грохали о землю.

Гитлеровцы приближались грозно, неумолимо, как всесокрушающий девятый вал. Казалось, ничто их не в силах остановить, и цепи защитников Виртсу кое-где дрогнули. Молодые, необстрелянные бойцы стали, сами того не замечая, подаваться назад.

Лейтенант Анатолий Смирнов, находившийся в боевых порядках обороняющихся, почувствовал, как под ложечкой у него неприятно засосало, а на лбу выступил холодный пот. Он впервые видел психическую атаку и на какое-то время растерялся.

Привел его в себя негромкий возглас корректировщика:

— Эх, шарахнуть бы по ним из наших, букоткинских! Цель — лучше не придумаешь. А, товарищ лейтенант?

Боец дотронулся рукой до плеча командира.

— Да-да, — торопливо отозвался Смирнов, потрянул головой, сбрасывая оцепенение, и приказал: — Радист, свяжись-ка с батареей.

— Есть! Готово!

— Передавайте.

Далеко за проливом, на Кубассаре, загремело. По скалам, резонируя, раскатилось эхо. Это заговорила сорок третья. Первые же ее снаряды легли метрах в ста от гитлеровцев. Дыбом встала земля. Еще залп — и в рядах автоматчиков, шагавших в полный рост, образовалась брешь.

Стрельба букоткинских стотридцатимиллиметровок послужила сигналом для защитников Виртсу. На врага обрушился шквал пулеметного и винтовочного огня. После пережитых минут цепенящего ужаса к бойцам пришла необыкновенная злость. Артиллерия еще была по самой гуще противника, и осколки тяжелых снарядов

залетали в свои же окопы, а в центре и справа люди уже поднялись в контратаку.

— Ура-а-а! — покатилося вдоль побережья.

Лейтенант Смирнов немедленно передал на батарею, чтобы Букоткин перенес огонь. Гитлеровцы поспешно отступили.

— Ну теперь не скоро полезут, — выразил уверенность Смирнов. Но не угадал. Немцы быстро оправались. Перегруппировавшись, они снова ринулись в атаку, только на этот раз впереди автоматчиков пустили танки.

Тогда заговорила наша противотанковая батарея. Из трех машин сразу повалил густой черный дым.

Остальные развернулись и скрылись за складками местности.

Минут на пятнадцать установилась тишина. Потом на правый фланг нашего батальона противник вдруг обрушил массированный артиллерийский и минометный огонь. Под его прикрытием гитлеровцы пошли в третью атаку. Нарушилась связь. Капитан Абдулхаков побежал к группе бойцов, которые под натиском врага начали отходить. Почему-то замолчал пулемет. Где-то правее немцы вклинились в оборону, и трескотня выстрелов уже раздавалась в глубине ее.

— Бери танкетки, — приказал Абдулхаков старшему лейтенанту Фомичеву, — и крой туда. Восстанавливай положение. А я буду держать здесь, в центре.

Фомичев отправился выполнять приказание, а Абдулхаков, пригибаясь, побежал к траншее, где находился пулеметный расчет. Оттащив мертвого пулеметчика в сторону, Исхак Галимович вставил в замок новую ленту и нажал гашетки. Однако очередь быстро оборвалась. Вражеская пуля сразила командира. Подбежавшие бойцы видели, как капитан вдруг подался грудью на пулемет и медленно повалился на левый бок.

Пока Фомичев разыскивал танкетки, противник ввел в бой свежие силы и ворвался на улицы города. Началась борьба за каждый дом, за каждый перекресток. Лишенные общего руководства и связи друг с другом, мелкие группы бойцов начали оттягиваться к пирсу и дамбе.

В тяжелом положении очутилась противотанковая батарея. Гитлеровцы окружили ее. Связной, вырвавшийся из кольца, отыскал Фомичева и попросил выручить товарищей.

— Передай командиру, — приказал старший лейтенант, — пусть снимает замки и пробивается к причалам без пушек. Туда подойдут катера.

— Не прорваться мне к своим, товарищ старший лейтенант, — ответил связной, — да и поздно будет. Выручайте.

— Нечем! Слышишь? Нечем! — закричал Фомичев. — Не теряй времени, беги к своим. Нет, стой!

Из-за угла дома выскочила танкетка. Фомичев загородил ей дорогу. Открылся люк, показалось измазанное лицо водителя.

— Давай к батареям, — приказал Фомичев и влез в машину. — А ты, связной, к пирсу.

Фомичев пробился к батарее, но вырваться назад ни ему, ни артиллеристам не удалось. Фашисты подорвали танкетку связкой гранат. Беспольной грудой железа она застыла в нескольких десятках метров от шоссе, у самого основания бугра, на котором, отбиваясь до последнего патрона, погибли смертью храбрых и артиллеристы и старший лейтенант Фомичев.

Дольше всех держалась группа бойцов на дамбе. Здесь пулеметные расчеты Гарашатова и сержанта Ерощука разили противника до полудня. Горстку уцелевших бойцов снял с дамбы морской охотник.

Почти весь батальон Абдулхакова лег под Виртсу и на его улицах. Артиллеристы во главе с лейтенантом

Смирновым и несколько морских пехотинцев отошли к берегу моря в числе последних. Здесь их окружили гитлеровцы. Неоднократно предлагали артиллеристам сдаться в плен, но в ответ раздавались выстрелы. Когда патронов осталось совсем мало, Смирнов связался с Кубассаром, передал на батарею свои координаты и попросил открыть огонь.

Букоткин не сразу согласился. Он догадался, что Смирнов вызывает огонь на себя. Но иного выхода не было, раз люди просят огонь, и так настойчиво, значит, туго пришлось.

И еще не успевшие остынуть орудия 43-й батареи заговорили вновь.

Это случилось что-то около двенадцати часов дня. Я и Вольдемар Куйст стояли на восточном берегу острова Муху и пристально всматривались в сторону Виртсу, все еще надеясь, что вот-вот в море покажутся лодки с последними живыми защитниками города. Но пролив был пустынен и нем. Лишь с противоположного берега доносились приглушенные расстоянием орудийные раскаты. К ним присоединился мощный голос батареи Василия Букоткина. Где-то под Виртсу дыбом вставала земля и лилась кровь еще державшихся, но уже обреченных на смерть советских бойцов.

Когда сорок третья замолчала, я и Куйст, как по команде, сдернули головные уборы. От волнения спазма сдавила мне горло, увлажнились глаза. Оцепенев, я смотрел, как неторопливо, ритмично набегают на каменистый берег волны и медленно надвигаются серые рваные облака.

К ногам моим море выбросило кусочек отшлифованного галькой янтаря. Золотистой крупинкой горел он среди темных осколков гранита и базальта, и мне вдруг вспомнилось поэтическое поверье, связанное с этим красивым минералом.

В древности этот похожий на кусочек солнца самоцвет, таинственный и загадочный, якобы исцеляющий от многих недугов, был в большой цене. Чтобы добыть его, люди пускались в далекие и опасные путешествия.

Особенно любили янтарь жители солнечного Средиземноморья. В те времена у здешних берегов частенько бросали якоря и трехъярусные римские триремы. Напоенный солнцем и сам как солнце янтарь стоил жизни многим отважным и смелым охотникам за ним. Немало слез пролилось из-за янтаря в древности. То были слезы по не вернувшемуся из дальних странствий к северным холодным берегам.

С тех пор, вероятно, янтарь и назвали «горячей слезой о погибших героях». И я подумал, что если бы слезы тех, кто вскоре получит известия о смерти родных и близких, павших в бою под Виртсу, превратились в янтарь, то, наверное, его хватило бы на все разноплеменное население древнего Средиземноморья.

А сколько еще из нас ляжет костью на этих берегах и сколько прольется слез — кто знает?!

Не мне, солдату, было думать о таком. Но разве прикажешь мыслям и чувствам?!

Забегая вперед, скажу: долгие годы многие из нас считали лейтенанта Смирнова погибшим. Только недавно я узнал, что Анатолий жив. Во время боев на острове Муху он был ранен и пленен. Издевательства, пытки, голод — все испытал молодой лейтенант, всех мук хватил по горло. Но выдержал...

В те же дни я стал свидетелем еще одного трагического эпизода. Морские охотники под командованием Алексея Финочко после выполнения задания возвращались в Куйвасту. Их преследовали самолеты противника. Моряки отчаянно отбивались от них. Взбешенные самоотверженностью экипажей

советских кораблей, фашистские летчики атаковали снова и снова.

Море закипело от разрывов бомб. Гигантские фонтаны воды взметались к небу. Моряки дрались насмерть. Все, кто находились на КП Ключникова, вышли из помещения и стали наблюдать за этой неравной борьбой.

Мы с восторгом увидели, как два «юнкерса» почти одновременно отвалили в сторону. Оставляя за собой длинные шлейфы дыма, они скрылись за горизонтом. Но и моряки понесли потери. От прямого попадания на одном из кораблей вспыхнул пожар. Раздался приглушенный взрыв, должно быть, огонь подобрался к боеприпасам. Уцелевшим кораблем командовал Финочко. На него бросились сразу три бомбардировщика. За вздыбленной водой охотник почти совсем не был виден. В пучине мелькали только тонкие перекладины его мачты. Потом судно густо задымило, по баку пробежали огненные языки.

— Пора ему покидать корабль, — произнес полковник Виктор Матвеевич Пименов. — Жаль, если погибнет такой орел.

— Ну, этот никогда не расстанется со своим кораблем, — заметил кто-то.

В этот момент меня вызвали к телефону. У аппарата был генерал Елисеев. Я подробно доложил ему обстановку на острове. Когда вернулся, самолетов в воздухе уже не было. И на море было спокойно, только у берега стлался дым. Там догорал выброшенный на камни сторожевик. Корабля Финочко не было видно. Я обежал глазами горизонт и обратился к Ключникову:

— А куда девался Финочко?

— Туда, откуда уже не возвращаются, — ответил он.

С рубежа на рубеж

Вслед за Виртсу пал остров Вормси, отделенный от материка нешироким проливом Вооси-Курк. Гарнизон его состоял из двух неполных рот с двумя 45-мм и одной 76-мм пушками.

На рассвете 7 сентября на шюцкоровских катерах, шлюпках и шаландах противник начал высаживать десанты сразу в трех местах. Подразделения, расположенные в восточной части острова, вступили в бой. В районе бухты Свибю они отбили попытку гитлеровцев зацепиться за берег, потопили четыре шаланды. Остальные отошли к острову Хостхольм.

Десантная группа, вошедшая в бухту Нарбю, при поддержке артиллерии с материка сумела потеснить оборонявшееся там наше подразделение. Немцы, высаженные с катеров у Кериоли, быстро начали продвигаться ей навстречу.

Гарнизон острова оказался в трудном положении.

Комендант Северного укрепленного сектора полковник Константинов послал на Вормси подкрепление. Прибывшая рота ударила во фланг кериолийской группе немцев, но желаемого результата не добились. Еще четыре раза ходили бойцы в атаки. Однако сбросить десант в море так и не удалось. Через пролив Вооси-Курк противник переправлял на остров свежие силы. Рота отошла к маяку.

Бои на Вормси длились почти трое суток.

Из Северного укрепленного сектора 10 сентября вечером пришла телеграмма. В ней содержалась просьба о высылке в распоряжение штаба СУС одного батальона с острова Саарема.

А утром 11 сентября стало известно, что противник уже овладел островом. До последнего сражались на

нем бойцы во главе с командиром роты Соловьевым. На катере ушло лишь двадцать пять человек.

Такая же судьба постигла и маленький остров Кессулайд, расположенный в проливе между Муху и материком. Его гарнизон — двадцать пять бойцов во главе с мичманом Н. Федосовым — перебрался на соседний совершенно голый крохотный островок, а оттуда — на Муху.

Пути на материк были отрезаны.

Захватив Кессулайд, противник начал стягивать туда штурмовые подразделения. Генерал Елисеев усилил оборону Муху двумя минометными батареями.

Через день между нами и гитлеровцами разыгралась артиллерийская дуэль. Длилась она почти двое суток. Орудия умолкали лишь с наступлением темноты, но с началом нового дня стрельба возобновлялась. Мы били по войскам и плавсредствам противника на Кессулайде, фашисты яростно обрабатывали наши позиции на побережье острова Муху и город Куйвасту.

Утром 14 сентября враг бросил в бой бомбардировочную авиацию. Под ее прикрытием на Муху двинулся передовой десантный отряд фашистов. Около четырехсот катеров, мотоботов, самоходных барж и шлюпок стало приближаться к восточному побережью острова. В 7 часов 20 минут противник начал высаживаться севернее поста № 12 пристани Куйвасту. Защитники острова сосредоточили огонь по этому участку. Десант немцев понес большие потери.

Последовала короткая передышка. Но затем на защитников Муху вновь обрушились тысячи снарядов и бомб. Через пролив устремились новые группы десантников.

На этот раз им удалось зацепиться за берег еще на одном участке, который защищало подразделение старшего лейтенанта Ивана Шевцова. Пехотинцы

неоднократно сходились с противником врукопашную и все же вынуждены были оставить свои позиции.

Вводя в бой свежие силы, гитлеровцы стали расширять плацдарм. К полудню натиск врага усилился, создавалась угроза прорыва неприятеля к Ориссарской дамбе. Выйди противник в тот момент к проливу Вяйке-Вяйн — войска восточной части обороны архипелага оказались бы рассеченными надвое и попали бы в катастрофическое положение. Чтобы избежать этого, требовались срочные и решительные действия. После недолгого раздумья полковник Ключников приказал большинству батарей перенести огонь на противника, рвавшегося к дамбе.

Темп стрельбы нарастал с каждой секундой, и мы, находясь на КП, расположенном в полутора километрах северо-западнее Куйвасту, ждали, что вот-вот наступление врага захлебнется. Но прошло полчаса, а перемен к лучшему не было. Даже Ключников — человек очень выдержанный, хладнокровный — и тот начал нервничать. Резервами он никакими не располагал и все надежды возлагал на артиллеристов.

Батарейцы старались.

Зенитки, расположенные ближе всех к месту боя, почти в упор расстреливали цепи фашистов. Но огонь они вели как-то неровно, с большими паузами. Потом выяснилось, что зенитная батарея вынуждена была часто менять позиции. Огонь двух полевых батарей 39-го артиллерийского полка, расположенных километрах в пятнадцати северо-восточнее дамбы, хотя и отличался большой плотностью, но не причинял неприятелю большого урона. Только после того как в районе боя побывал связной из штаба, стало ясно, почему так происходит. Стрельба из орудий, спрятанных в лесу, плохо корректировалась.

Ключников распорядился немедленно вынести наблюдательный пункт ближе к побережью.

Корректировщики облюбовали колокольню какой-то кирхи. С нее как на ладони просматривалась вся местность, на которой протекал бой. Первые же залпы накрыли передовые цепи противника. Гитлеровцы залегли, переждали и вновь устремились в атаку. Артиллеристы снова прижали их к земле.

— Теперь дело пойдет веселее, — оживился Ключников. — Сейчас попробуем подбавить огонька.

Связавшись с батареей Букоткина, полковник попросил старшего лейтенанта подсобить защитникам Муху. На мыс Кюбассар сообщили координаты, и орудия заговорили. Северо-западнее Куйвасту застонала земля.

Противник оттянулся ближе к побережью. Окопался. Вызвал авиацию. Над лесом, где стояли наши полевые батареи, повисли «юнкеры». Они же нанесли удар по колокольне, где располагались наши корректировщики. Кирха запылала. Немцы вновь пошли в наступление, однако и на этот раз откатились, понеся урон от артиллерийского огня.

В горящей кирхе, несмотря на приказ Ключникова отойти, остался один наблюдатель. Он корректировал огонь батареи до последнего дыхания. Уже пламя подобралось к самой колокольне, вот она скрылась в дыму, а неизвестный герой все не покидал своего поста. Голос его смолк только после того, как кирха обрушилась.

* * *

Видимо, для наращивания своего удара и окружения саремского гарнизона противник решил высадить десанты у нас в тылу — в бухту Лыу и на полуостров Кюбассар.

На рассвете 13 сентября вражеская авиация начала усиленно обрабатывать места предполагаемой высадки

и батарею капитана Стебеля. Пока шла бомбежка, в море в сопровождении миноносцев появилось шесть крупных транспортов противника. Наша авиаразведка своевременно обнаружила их, и защитники полуострова подготовились к встрече фашистских кораблей.

Немецкие эсминцы держались мористее. Они, видимо, опасались береговых батарей. И не напрасно. При подходе вражеских транспортов к полуострову Сырве батарейцы капитана Стебеля сразу же накрыли их. Одно судно начало крениться на борт и медленно оседать в воду. На трех других — возникли пожары.

Отличились тут и наши моряки. Торпедные катера под командованием капитан-лейтенанта С. А. Осипова вышли навстречу вражескому отряду, когда он находился еще далеко в море. Перевес сил был явно на стороне немцев. И все же Осипов принял решение атаковать их. Расчет весь строился на том, что неприятельские эсминцы прикрывали транспорты только с моря. Со стороны же полуострова Сырве они были открыты. К тому же наши катера сливались с темным фоном полуострова, и это позволяло им приблизиться к фашистскому конвою незамеченными. Действительно, они были обнаружены, лишь когда уже легли на боевой курс. Вражеские миноносцы открыли огонь. Но было уже поздно. Торпеды понеслись к транспортам. Над водой загремел оглушительный взрыв. За ним последовали другие.

Торпедная атака прошла успешнее, чем можно было ожидать. Прикрываясь дымовой завесой, катера ушли. А с берега вновь загремели мощные башенные батареи. В небе появились советские самолеты.

Попытка немцев высадить десант на полуостров Сырве не удалась. Понесся большие потери, вражеский отряд развернулся и скрылся в море.

Военный совет Краснознаменного Балтийского флота поздравил личный состав БОБРа с этой победой.

В радиограмме, подписанной вице-адмиралом В. Ф. Трибуцем, были такие слова: «Высоко ценим ваши боевые действия. Своими успехами вы помогаете Ленинграду...»

* * *

Потерпев неудачу в бухте Лыу, противник попробовал найти другую лазейку на острове Саарема. 14 сентября восемь транспортов и большое количество десантных катеров под прикрытием боевых кораблей попытались высадить десант в районе бухты Кейгусте. Большое беспокойство немцам доставляла 43-я батарея, расположенная на полуострове Кюбассар. Чтобы отвлечь ее от моря, гитлеровцы высадили в тыл свыше ста человек на планерах. Авиадесантники, одетые в гражданское платье, были отлично вооружены, имели надувные лодки и резиновые лыжи для ходьбы по воде.

Букоткинцы вынуждены были одновременно отражать атаки десантников с суши и вести огонь по транспортам, рвавшимся к бухте Кейгусте.

Руководить обороной батареи Букоткин поручил старшему политруку Григорию Андреевичу Карпенко. Заслон был малочисленный, и Карпенко попросил командира поддержать его отряд хотя бы одним орудием.

— Никак не возможно, Гриша, — ответил Василий Георгиевич, — сам понимаешь, какое положение. Если не разгромим караван, хуже будет: немцы ворвутся в глубь Сааремы. Уж когда очень туго станет, подсоблю.

Сбросив десант, фашисты временно прекратили бомбить с воздуха полуостров Кюбассар. На подступах к батарее начались жаркие рукопашные схватки. Несмотря на подавляющее численное превосходство

противника, бойцы прикрытия стойко оборонялись. Из штаба БОБРа передали: «Продержитесь еще немного. К вам на помощь перебрасывается отряд капитана Огородникова».

Подкрепление подоспело вовремя. Бойцы прикатили на велосипедах. Совместными ударами с тыла и в лоб защитники полуострова обратили противника в бегство и прижали его к побережью. Почти весь воздушный десант был уничтожен.

Разгромили артиллеристы и морской десант. Командир батареи старший лейтенант Букоткин дал гитлеровцам возможность подойти к берегу, но, как только началась их высадка, мгновенно всю мощь огня обрушил на корабли. Два из них сразу пошли ко дну. Неприятель растерялся. А батарейцы метко поражали одну цель за другой. В этом бою они утопили еще несколько катеров, мотоботов и более десяти шлюпок с солдатами. Остальные ушли в море.

Минут через пятнадцать над батареей появились вражеские самолеты. Два часа висели «юнкерсы» над ее позициями, сбросив за это время около пятисот бомб. После яростной бомбежки на штурм батареи ринулись гитлеровские автоматчики, сброшенные на парашютах, и пехота, прибывшая с материка на мелких судах и шлюпках.

Штурм батареи Букоткина не прекращался несколько суток. На полуострове был кромешный ад. Атаки с моря сменялись атаками с воздуха. Но букоткинцы держались, на помощь не рассчитывали, знали: прийти ей неоткуда.

После прорыва противника через Ориссарскую дамбу 43-я батарея попала в полное окружение. Враг закупорил выход с полуострова Кюбассар на Саарему. Огонь букоткинцев стал редким, стреляло только одно орудие, остальные вышли из строя. Самого Василия

Георгиевича ранило, и Карпенко успел отправить командира в тыл.

Когда кончились боеприпасы, старший политрук приказал уничтожить последнее оружие. Старшина Балов зарыл в развалинах казармы железный ящик с документами. Радисты передали в штаб Елисееву: «Окружены, батарею взрываем, идем на прорыв. Отомстите за нас, товарищи!»

Ночью два десятка бойцов во главе с Карпенко вырвались из кольца. Но в новом бою старший политрук погиб.

* * *

А на острове Муху дальнейшие события развивались таким образом.

14 сентября частыми контратаками с восточной части острова Саарема и сводного отряда моряков, который возглавил Охтинский, противника удалось остановить. Но ненадолго. Подтянув свежие части, гитлеровцы опять перешли в наступление. Прорвав нашу оборону на рубеже Куйвасту — Калесте, неприятель устремился к Ориссарской дамбе.

Около стены разрушенного дома, в воронке от авиабомбы, собрались на совещание полковник Н. Ф. Ключников, подполковник А. И. Охтинский, полковник П. М. Гаврилов, заместитель командира 3-й отдельной стрелковой бригады батальонный комиссар И. В. Кулаков, капитан Я. Ф. Яцук, вступивший в должность начальника штаба бригады, вместо Пименова, начальник вооружения БОБРа майор А. О. Лейбович и еще несколько командиров.

— Товарищи, — обратился ко всем Охтинский, — давайте обсудим положение. Кто желает высказаться? Никто? Тогда я скажу. Обстановка очень тяжелая.

Видимо, сдержать врага на Муху не сумеем. Желание есть — сил нету. Как быть? Драться до последнего или отойти за дамбу и тем самым сохранить людей и технику для боев на Саареме?

Каждый понимал, что последний из этих двух вариантов наиболее правильный, но произнести роковое слово «отступить» никто не решался. Все молчали.

Вспыхивали в полутьме сумерек огоньки папирос. Небритые, осунувшиеся лица командиров словно окаменели. С легким шорохом осыпалась с краев воронки земля. За лесом, у дороги на Куйвасту, заливались пулеметы и сухо трещали винтовочные выстрелы. Со стороны полуострова Кюбассар доносился раскатистый бас букоткинских стотридцатимиллиметровок.

— Жарко, должно быть, у Букоткина, — тихо произнес Виктор Матвеевич Пименов.

Ему никто не ответил. Молчание становилось тягостным. Полковник Гаврилов вздохнул и обратился к Охтинскому:

— Вы-то сами, Алексей Иванович, что предлагаете?

— Думаю, что самое разумное решение — отойти с Муху. — И обернулся к Ключникову: — А ваше мнение, Николай Федорович?

Ключников кивнул головой.

— Согласен. Вести успешную оборону, будучи прижатыми к самому проливу и имея очень шаткую связь с Сааремой через дамбу, невозможно. Плотность артиллерийского огня противника тут очень большая. В силах он нас превосходит раза в три-четыре. Никаких укреплений у дамбы с этой стороны нет, укрывать людей негде.

С доводами Ключникова согласились все. Обсудили порядок отвода частей через пролив Вяйке-Вяйн, выделили прикрытие и разошлись по подразделениям.

В ночь на третий день боев подразделения, оборонявшие Муху, начали стягиваться к дамбе. Надводная часть ее — узкая.

Людей и технику переправлять пришлось не только по тесной полоске тверди, а и по мелководью.

Враг обнаружил отступление, когда головная колонна уже достигла середины дамбы. Гитлеровцы немедленно бросились в атаку, попытались помешать переправе, сбить заслон, прикрывавший ее. В бой с неприятелем вступил батальон 46-го стрелкового полка и сводный отряд пограничников. Несколько раз немцы, ведя сильный пулеметный и автоматный огонь, прорывались почти к самой дамбе, но пограничники и пехотинцы встречными штыковыми ударами отбрасывали неприятеля. Иногда в бой включались подразделения, подошедшие к переправе. В результате почти весь вражеский отряд был уничтожен.

Утром бой за Ориссарскую дамбу разгорелся с новой силой. Малочисленное прикрытие с трудом сдерживало наседавшего противника. В самые критические моменты командиры поднимали бойцов в штыковые контратаки.

К восходу солнца переправа закончилась. Чтобы уплотнить оборону, Ключников приказал связистам лейтенанта Пожарского и саперам лейтенанта Г. Кабака оттянуться ближе к проливу. Бойцы 37-го отдельного инженерного батальона под командованием капитана Сараева с помощью истребительного отряда начали минировать дамбу.

Прилетели вражеские самолеты.

С бреющего полета фашистские летчики стали поливать минеров пулеметным огнем. Работа приостановилась. Тогда майор А. Лейбович поставил на полуторку спаренную пулеметную установку и пустил ее по дамбе.

— Поможет ли? — усомнился Ключников.

— А что делать, Николай Федорович? На безрыбье и рак рыба. Заставим фашистов подняться несколько выше, и то хорошо.

Автомашина быстро неслась по узкому — всего три метра — полотну. И в спокойной обстановке тут особенно не разгонишься, а тем более под огнем. Чуть оплошал, сдали нервы — и сорвешься в море. Затаив дыхание мы ждали первой схватки пулеметчиков с фашистскими самолетами. В километре от берега машина вдруг остановилась.

— Ах, черт! — вырвалось у Ключникова. — Неужели мотор отказал?

Лейбович крикнул, смешно вскинул к небу руки и бросился к дамбе со словами:

— Ну я ему сейчас всыплю!

В этот момент на дамбе затарахтели пулеметы. Фашистский самолет отвалил в сторону и круто пошел вверх. И второй, напорвшись на плотный огонь зенитчиков, тоже поспешил выйти из опасной зоны. Над берегом они развернулись и снова устремились в атаку. Сменила позицию и полуторка. И снова вражеская атака была отбита. Тогда гитлеровцы поднялись выше и уже оттуда повели огонь по бойцам, минировавшим дамбу. Но такой огонь большой опасности не представлял.

Наконец дамбу подготовили к взрыву, и Ключников приказал покинуть остров Муху. Прикрывать отход последних подразделений остался на берегу небольшой отряд пехоты. Красноармейцы отбивались до последних сил. В основном сдерживал противника огонь пулеметного расчета. С небольшого пригорка отлично простреливались подступы к дамбе. На ровной оголенной поверхности негде было укрыться, и атаки гитлеровцев захлебывались.

Когда последние бойцы из отряда прикрытия ступили на дамбу, полковник Ключников подошел к подрывникам.

— Готово? — спросил он капитана Сараева.

— Да. Прикажете взрывать?

— Нет, пусть немцы вступят на дамбу.

Гитлеровцы не заставили себя долго ждать. Вот показалась танкетка, за ней — колонна пехотинцев. Противник торопился воспользоваться переправой. Видимо, в горячке боя немцы забыли, что сооружение могло быть заминированным. А может быть, просто не допускали мысли, что мы успели это сделать. Во всяком случае, они шли по дамбе и по обеим ее сторонам довольно безопасно. Ключников наблюдал за продвижением противника в бинокль. Немецкая колонна была уже на полпути к саремскому берегу.

— Готовьтесь, Сараев.

Капитан поднял руку.

— Хотя подождите, пусть еще продвинутся метров на триста-четыреста.

Несколько минут напряженного ожидания.

— Подрывайте, — сказал Ключников.

Капитан, сняв фуражку, махнул ею. Над проливом раздался грохот. В воздух взметнулись каменные глыбы, столбы воды, обломки боевой техники.

Ночью на месте взрыва побывали разведчики. По их словам, на дамбе погибло около восьмисот фашистов. Возможно, ребята несколько преувеличили. Но то, что урон, нанесенный врагу, был все же велик, в этом у нас не было сомнения. И мы не избежали потерь. В последних боях на острове Муху смертью храбрых погиб начальник штаба БОБРа подполковник Охтинский. Он прибыл туда, чтобы на месте координировать действия частей. Но части эти были уж очень малочисленны. И Охтинский предпочел возглавить сводный отряд моряков. Обладая незаурядной личной храбростью, он в критические моменты брал в руки оружие и сражался как рядовой боец. Вражеская пуля нашла его за пулеметом.

Мы похоронили Алексея Ивановича с воинскими почестями. Над его могилой трижды прозвучали винтовочные залпы. Среди моонзундцев не стало еще одного хорошего человека, верного товарища, умного и смелого командира.

* * *

В тот же день, ближе к полудню, ценою больших потерь противник все же форсировал пролив Вяйке-Вяйн и ворвался на остров Саарема. Гитлеровцы повели наступление в двух направлениях — по шоссе на Курессаре и вдоль побережья в сторону городка Триги. Не требовалось быть особенно прозорливым, чтобы разгадать их замысел: фашистское командование стремилось оттеснить моонзундцев в глубь Сааремы и лишить какой бы то ни было возможности прорваться на остров Хиума.

Мы отступали с тяжелыми боями. Четко обозначенной линии обороны, по сути дела, не было. В лесах, на подступах к населенным пунктам всей северо-восточной части острова то затухали, то с новой силой вспыхивали отдельные схватки.

20 сентября начались бои на подступах к Курессаре. Создав здесь большое численное превосходство, противник непрерывно атаковывал наши боевые порядки. Бойцы дрались за каждый бугорок, каждую ложбинку. Моряки, артиллеристы, саперы часто воевали как стрелки.

Где-то тут, на шоссе, под Курессаре я неожиданно повстречал капитана Еремина, того самого лихого кавалериста, который требовал дать ему коня, клинок и послать в бой. С горсткой бойцов он держал оборону на пологой залесенной возвышенности.

— Ну как, капитан, дорвался до настоящего дела? — спросил я.

— Дорвался, — мрачно ответил Еремин и выругался. Его внешний вид был красноречивее слов. Я не стал больше ни о чем расспрашивать Еремина. Все и так было ясно.

С наступлением сумерек бой затих.

Вечером Елисеев, получивший уже во время боев звание генерал-лейтенанта, созвал совещание. Пришли П. Гаврилов, В. Пименов, И. Кулаков, Я. Яцук, военком БОБРа дивизионный комиссар Г. Зайцев, заменивший улетевшего на Большую землю П. Дорофеева, начальник инженерной службы БОБРа майор С. Навагин, комендант Курессаре майор Федоров, командиры полков и еще несколько человек.

Майор Шахалов, ставший начальником штаба вместо погибшего Охтинского, коротко доложил обстановку. Генерал Елисеев предложил обсудить вопрос: как быть дальше?

Часть командиров высказалась за то, чтобы прорваться на остров Хиума. Доводы были простые. Хиума в три раза меньше Сааремы, и войскам Северного укрепленного сектора совместно с сааремцами будет легче держать оборону. Наконец, что весьма немаловажно, от Хиумы ближе к Ханко. Войдя в контакт с защитниками этой военно-морской базы, можно совместно координировать боевые действия двух гарнизонов.

Другие были склонны продолжать борьбу на Саареме. А чтобы сузить фронт, предлагали перейти на полуостров Сырве и там закрепиться.

Сторонники этого плана признавали, что Сырве невелик по размерам, вся длина его — двадцать километров. Но в этом они видели его преимущество: легче оборонять. С островом Саарема Сырве соединен узким перешейком. Конечно, укреплен он далеко не

идеально, но, стянув сюда всю технику и людей, можно создать эшелонированную оборону. С моря же всегда прикроет мощная батарея капитана Стебеля.

С этой части острова очень удобно было контролировать вход в Рижский залив и выход из него. Башенные орудия могли вести прицельный огонь по кораблям противника. К тому же на Сырве базировались торпедные катера и несколько истребителей. Это давало нам хоть какую-то возможность активно воздействовать на важные морские коммуникации врага.

Елисеев остановился на втором варианте. Немаловажную роль в решении командующего сыграл и пример защитников Ханко. Генерал прямо заявил:

— Если наши северные соседи стойко держатся на небольшой территории, то и мы сможем и должны превратить полуостров Сырве в неприступную крепость, сделать его «вторым Ханко». Людей и техники у нас для успешной обороны такого плацдарма достаточно.

Вопрос был трудный. Решение генерала Елисеева не всех устраивало. С совещания командиры и политработники расходились с разными настроениями.

* * *

21 сентября началась эвакуация из Курессаре. Первыми покинули город инженерно-строительные подразделения. Они ушли на Сырве подготавливать рубежи обороны. Следом потянулись пехотинцы и артиллеристы, обозы с продовольствием и боеприпасами.

На подступах к городу уже гремели орудия. Отход основных сил прикрывал отдельный саперный батальон 3-й стрелковой бригады.

Гражданские власти Курессаре готовились к борьбе в подполье. Секретарь уездного комитета партии Александр Михайлович Муй сколачивал партизанский отряд. Через штаб БОБРа он обеспечил своих людей оружием и боеприпасами.

После полудня я зашел к Мую попрощаться, а заодно договориться о связи с подпольщиками. Секретарь уездного комитета партии держался молодцом. Пожимая мне на прощание руку, он задержал ее в своей.

— Ну, до встречи, — сказал я.

— До встречи, — твердо ответил Муй и после небольшой паузы добавил: — До скорой встречи.

Я поспешил в штаб. Там застал Грядунова. Вместе со сводной ротой, сформированной из личного состава различных служб тыла, мы покинули Курессаре.

За рекой Насвой на сильно пересеченной лесистой местности отходящие подразделения вырыли окопы, установили пулеметы, орудия.

Здесь я повстречался с батарейцами Букоткина. Сам Букоткин в это время находился в госпитале. Вид у артиллеристов был далеко не боевой. Оказавшийся тут же начальник артиллерии БОБРа Харламов обратился к бойцам:

— Вы что такие кислые? Герои Кюбассара — орлы, а вид у вас, как у мокрых куриц. Не годится.

— Кюбассар позади, — хмуро ответил кто-то.

— Но слава-то при вас, — заметил Харламов.

— Что слава! Нам бы пушки. А пушек-то нет, только винтовки. Сами знаете, наводчики у нас первоклассные.

— Что верно, то верно, — согласился Харламов. — Ну что ж, подумаем. Что-нибудь найдем. Таких боевых ребят без дела не оставим.

И хотя начальник артиллерии только пообещал что-то сделать, настроение у артиллеристов улучшилось.

Лица их прояснились, повеселели, и пошли они стройнее, увереннее.

На реке Насве мы задержали противника на несколько суток. Здесь, среди перелесков и по гребням невысоких пригорков, постепенно обозначился оборонительный рубеж. В создании его активное участие принимало местное население. Руководил работами инженер БОБРа майор Навагин. Рубеж оборудовался на скорую руку и большого препятствия для противника не представлял. Рассчитывали мы не на инженерные укрепления, а на узость фронта, плотность своего огня, а больше всего на патриотизм бойцов.

Атаки противника, как всегда, начались рано утром. Солнце взошло в серой пелене. Когда туман рассеялся, в небе появился фашистский разведчик. Он долго кружил над нашими позициями. За ним нагрянули «юнкерсы». Началась яростная бомбежка. Длилась она около часа. Наш передний край был буквально перепахан.

За бомбежкой последовал не менее яростный артиллерийский обстрел. Били и полевые батареи, и корабельные орудия. Батарея капитана Стебеля ничего не могла поделать с кораблями противника: они находились вне видимости наблюдателей.

День, обещавший с утра быть погожим, испортился. С запада нанесло тучи, зарядил мелкий частый дождик.

Ключников, вынесший на своих плечах всю тяжесть боев на Муху и у Ориссарской дамбы, измученный бессонными ночами и уставший до такой степени, что засыпал на ходу, попросил Пименова подменить его.

— Я сосну малость, Виктор Матвеевич. Погода скверная, и немцы, наверное, не полезут.

— Конечно, Николай Федорович. Да если и начнется, я тревожить вас не стану. Вам необходимо как следует выспаться, на вас лица нет.

— Нет, нет, только не это, — запротестовал Ключников. — Одному вам руководить боем будет тяжело. Так что убедительно прошу, разбудите, а то я и впрямь не проснусь. Действительно устал очень.

— Ну, хорошо, — согласился Пименов.

Ключников пригнулся и скрылся в блиндаже.

— Все равно не разбужу, — буркнул Пименов. — Пусть отоспится.

И тяжело вздохнул:

— Вот ведь дела какие, товарищ Павловский.

— Да, хуже не придумаешь. Силенок маловато, артиллерии — кот наплакал.

— Я не о том, вот о нем, — Пименов кивнул на дверь блиндажа. — Сколько забот свалили на одного Николая Федоровича. А он хоть и двужильный, но ведь всему есть предел. Охтинского потеряли; совсем худо станет, если...

Виктор Матвеевич не договорил.

К полудню дождь приутих, и гитлеровцы возобновили атаки. Ринулись вдоль шоссе, пустив вперед танкетки. Удар пришелся по остаткам 79-го стрелкового полка Ладеева. Сильный пулеметно-винтовочный огонь с нашей стороны заставил противника залечь. Артиллеристы Букоткина изловчились как-то подбить две танкетки, остальные развернулись и скрылись в ближайшем перелеске.

Приведя себя в порядок, немцы повторили атаку. И снова неудачно. Тут, как говорится, нашла коса на камень: гитлеровцы лезли опять и опять с упорством одержимых. Атака следовала за атакой. В промежутках между ними противник вел сильный минометно-артиллерийский обстрел наших позиций.

Так продолжалось до четырех часов дня. Потом натиск неприятеля стал ослабевать.

— Ну, кажись, выдохлись, — обрадовался Пименов. — Можно теперь и пообедать.

Боец принес два котелка, с кашей и щами.

— Старший политрук, присоединяйся, — предложил полковник и протянул мне ложку.

Каша чуть пригорела и пахла дымом. Мне показалось, что она чуть-чуть отдавала пороховой гарью.

— Ничего, так-то даже вкуснее, — смеялся Пименов. — Потом эту кашу еще вспоминать будем.

— Если уцелеем.

— Да, ленинградцы забыли, видно, про нас, — вдруг сказал полковник.

— Им тоже нелегко.

— Понимаю... Хорошо, хоть самолеты изредка присылают, боеприпасы подбрасывают и раненых вывозят. Как думаешь, Павловский, вспомнят, что мы есть на свете?

— Должны.

— И я так думаю, — Виктор Матвеевич задумался.

Прибежал связной:

— Товарищ полковник, немцы обошли Ладеева!

Пименов подскочил. От резкого движения котелок с остатками еды опрокинулся на землю.

— Как обошли! Каким образом?

— Должно быть, с левого фланга прорвались. Слышите?

На левом фланге действительно шла перестрелка. Пименов вызвал лейтенанта Г. Кабака и приказал:

— Соберите быстро сводную группу из моряков, артиллеристов, из остатков вот его, Павловского, истребительного отряда и ударьте по прорвавшимся немцам с тыла. Живее!

К счастью, инженерный батальон вовремя закрыл образовавшуюся брешь. Прорвавшийся противник, оказавшись отрезанным от своих, думал уже не о том, чтобы сбить с позиций подразделения 79-го

стрелкового полка, а как самому вырваться из «мешка». Спасти удалось лишь немногим.

На третий день гитлеровцы прекратили атаки. С утра над нашими позициями появился «юнкерс», но вместо бомб на землю посыпались листовки. Я поднял одну из них. На клочке бумаги размером с тетрадный лист — изображение занятой фашистами Эстонии, полуокруженного Ленинграда и полуострова Сырве, помеченного пятиконечной звездой.

Рисунок не нуждался в пояснениях. Ниже следовало обращение гитлеровского командования к моонзундцам. Льстиво называя нас героями, захватчики предлагали сдаться в плен, так как дальнейшее сопротивление якобы бесполезно.

Ключников, тоже разглядывавший листовку, иронически сказал:

— У этих аккуратистов все по теории. Окружены, — значит, сдавайтесь на милость победителя. Держи карман шире — так мы и разбежимся к вам. Ждите!

Гитлеровцы сообразовали дать нам на раздумье всего одни сутки.

Генерал Елисеев вызвал меня на КП и сказал:

— Пока тихо, Павловский, послал бы в тыл кого-нибудь. Нужно прощупать. Хорошо бы «языка» раздобыть.

Я отрядил на задание моряков Еремина и Губенко. Еремин — отличный спортсмен и наездник. Он в совершенстве владел арканом, славился сообразительностью и находчивостью. Губенко, медлительный крепыш, без промаха стрелял. Вместе с лейтенантом Борисом Егоровым я проводил разведчиков за передний край нашей обороны и стал ждать, с беспокойством поглядывая на небо.

Ветер разогнал тучи. В просветах между клочковатыми клубящимися облаками засияли голубые «окна». Время от времени сквозь них проглядывало

солнце, и тогда на стволы близлежащих сосен ложились косые золотистые полосы. Я опасался, что погода может улучшиться. А это отнюдь не на руку разведчикам.

Время тянулось медленно. В нашем укрытии то светлело, то темнело. Глядя на игру света и тени, я подумал, что и в нашей судьбе сейчас вот такие же смены — то безвыходное положение, то отдушина. То жизнь, то смерть. Долго ли продлится эта игра? Судя по обстановке, нет. После совещания у Елисеева, когда командующий принял решение отойти на полуостров Сырве, меня да и других командиров, которых я знал близко, не покидало тяжелое чувство обреченности. Мы понимали: события на Большой земле складываются трагически и сейчас там не до какого-то затерянного на островах гарнизона. Возможно, наши подразделения и части бросили на произвол судьбы, принесли в жертву. Не преднамеренно, конечно, а в силу сложившихся обстоятельств. Так иногда случается: жертвуют малым, чтобы выиграть время и спасти большее. На войне это почти закон.

Тут все логично, но чувства не всегда согласуются с рассудком. Мы не цеплялись за жизнь по-заячьи, не боялись смерти — безысходность удручала. Не давала покоя мысль: как оправдать, чем объяснить ход событий, ту ситуацию, в которой мы оказались?

Дело прошлое, давнее, и нечего таить правду, от этого не умалится значение подвига моонзундцев. До последних минут все дрались честно, самоотверженно. Никто ни на миг не допускал мысли о том, чтобы сложить оружие, сдаться врагу. Нет и нет! Но в тайниках души начинало возникать нечто вроде разочарования. Ведь мы так верили в прозорливость и непогрешимость Сталина. А и он, выходит, просчитался...

...Не помню, сколько прошло времени, с тех пор как ушли Еремин и Губенко. Может быть, часа два, а может, и все четыре. Появились они с шумом.

На шоссе, ведущем к нашим окопам, неожиданно затрещал мотоцикл. Вынырнув из-за рощи, он, не останавливаясь, мчался в нашу сторону. У нас мотоциклов не было, и мы с Егоровым враз приподнялись и с недоумением посмотрели друг на друга.

— Уж не фриц ли заблудился? — высказал предположение лейтенант. — Надо перехватить.

Егоров отобрал четверых солдат и с ними побежал к шоссе. Я последовал за ними.

Через несколько минут все выяснилось: это были Еремин и Губенко. А в коляске сидел немецкий солдат.

— Связной, товарищ старший политрук, — пояснил Еремин и тут же рассказал, как им удалось захватить «языка».

Забрались они в тыл противника довольно далеко. Там, у разветвления двух дорог, залегли в кустах и стали ждать. Вначале двигались автомашины с большими группами гитлеровцев, один раз пронеслась штабная легковушка. Промелькнули высокие тульи фуражек.

— Эх, такого бы подцепить, — с завистью сказал Губенко.

Потом часа на полтора дорога опустела. Разведчики собирались было сменить место наблюдения, как позади затрещал мотоцикл.

— Так и есть, единственной персоной катит, — заметил дальнозоркий Еремин и полез на росшее у самой дороги дерево.

— Ты куда? — не понял Губенко.

— На небо, к богу, — пошутил Еремин.

Почуднее устроившись на толстом суку, разведчик ровными кольцами уложил веревку и приготовился к

броску.

— А если промахнешься? — предостерег Губенко и на всякий случай взял мотоциклиста на прицел.

— Не таких скакунов ловил. Пушку свою убери, не понадобится. Только шуму наделаешь. Убери, говорю!

Когда мотоциклист поравнялся с деревом, Еремин метнул петлю. Рывок — и связной на земле. Мотоцикл завалился в кювет, но не поломался, даже мотор не заглох.

Еремин, умевший обращаться с техникой, предложил Губенко рискнуть и прорваться к своим на мотоцикле. К счастью разведчиков, по дороге им никто не встретился, и они благополучно вернулись к своим.

На допросе пленный вначале держался нагло. Но потом спесь сошла.

Оказалось, он возвращался с острова Муху, куда отвозил какой-то пакет. Связной сообщил, что с материка под Куйвасту доставлена большая партия горючего и боеприпасов.

— Для чего горючее? — спросил я.

— Кажется, для танков, — последовал ответ.

Результаты допроса я доложил генералу.

— Определенно, что-то замышляют, — покачал головой Елисеев и выжидательно посмотрел на Ключникова, только что прибывшего с передовой.

Комендант БОБРа хотя и недолюбливал полковника за прямоту и резкость в суждениях, но к мнению Николая Федоровича всегда прислушивался внимательно.

— Не без этого, товарищ генерал, — ответил Ключников и обратился к карте архипелага.

Взгляд его остановился на острове Хиума, потом скользнул влево и задержался на Сырве.

— Думаете, — перехватив его взгляд, догадался Елисеев, — сперва по Константинову, а потом на нас навалятся? Или наоборот?

— Пожалуй, сперва разделаются с нами. Впрочем, утверждать трудно. Ясно одно: в чем-то мы нарушаем планы противника, — вероятно, в сроках ликвидации нашего гарнизона. Запасы горючего неприятель создает неспроста, конечно.

— Разумеется, разумеется... — генерал помолчал. — А что, если уничтожить их?

— Легко сказать — уничтожить, — вклинился в разговор военком БОБРа Гавриил Федорович Зайцев. — А как? Бомбардировщики Преображенского улетели на Большую землю, а наши ястребки для такого дела не годятся. Может, дать телеграмму в штаб фронта и попросить, чтобы фронтовая авиация на нас поработала?

— Э-э!.. — генерал махнул рукой. — Там сейчас только нашей заявки и не хватало. Да и что бомбить летчикам? Место расположения-то складов мы не знаем.

— А если послать на Муху специальную группу? — предложил я.

— Из твоего отряда? — оживился Елисеев. — Это дело. Ребята у тебя молодцы. Только чем уничтожать склады будут? Нести взрывчатку с собой — далеко. Да и пойматься с таким грузом легко.

— Подумаем, товарищ генерал! Безвыходных положений не бывает.

— Тогда действуйте. Кстати, в тылу немцев остались подпольщики Муя, свяжитесь с ними. Могут помочь.

* * *

На задание ушел один Куйст. Я предложил ему взять с собой нескольких бойцов, но Вольдемар отказался.

- Одному легче изворачиваться.
- А как со взрывчаткой? — спросил Грядунов.
- Взрывчатка уже на месте.
- Шутишь?

— Вовсе нет, товарищ старший лейтенант. Когда мы уходили с острова Муху, я на всякий случай оставил запас ее у знакомых рыбаков. Подумал еще тогда: вдруг пригодится. Как видите, не ошибся.

Ночью Куйст перешел линию фронта. Ждали мы от него известий четверо суток. К тому времени противник сбил нас с рубежа у Насвы. Мы отошли на узкий перешеек полуострова Сырве и там закрепились.

Три дня гитлеровцы почти не тревожили, вели только разведку. Видимо, у них действительно иссякли боеприпасы, и они ждали, когда подвезут. Наши разведчики, побывавшие под Курессаре, подтвердили, что в сторону Сырве движутся колонны автомашин со снарядами и патронами.

В ночь на четвертые сутки я забрел в землянку Ключникова. Прихлебывая горячий чай из жестяных, обжигающих губы кружек, мы взаимно делились всем, что знали о противнике. На передовых было тихо, только глухо шумело море, да изредка вспыхивали и тут же гасли вдали от берега прожекторы. Посвистывал, перекатываясь через перешеек, ветер. Он нес с собой сырость и залах гниющих водорослей.

Ночь, глухая сентябрьская ночь, лежала над архипелагом. Где-то там, за добрую сотню километров от нас, в кромешной тьме пробирается к вражеским складам Куйст. А может, уже и не пробирается? Возможно, его схватили и теперь допрашивают? Мною даже овладело сомнение: стоило ли отпускать на такое ответственное и рискованное задание одного человека?

Не допив чай, я поднялся и шагнул к выходу из землянки. Только распахнул дверь, как воздух содрогнулся от страшной силы взрыва. Мне даже

показалось, что под моими ногами осела земля. Я вылетел наружу. Следом за мной выскочил Ключников. Раздалось еще несколько взрывов. Я обернулся к острову Муху. Там, охватывая весь горизонт, полыхало ослепительно-белое зарево. Через несколько секунд оно осело и исчезло. Но через минуту пожар вдруг забушевал опять. Только на этот раз огонь был густо-багрового цвета.

— Значит, склад горючего подорвал, — вслух произнес я. — Как вы думаете, Николай Федорович?

— Кажется, что так, — ответил Ключников, — смотрите, зарево разрастается...

Через день Куйст вернулся. При переходе линии фронта его едва не пристукнули бойцы боевого охранения. Куйст оказался в форме немецкого офицера, и ко мне в землянку его ввели под охраной.

Я сразу сообразил, в чем дело, но для порядка спросил:

— Вы где раздобыли форму?

— За Пюхой, — ответил Куйст, — сам подвернулся. Шел я вдоль побережья. Там много бухточек, заливов, есть где укрыться. Минул бухту Кейгусте и остановился передохнуть. Вдруг вижу — идет к берегу оберлейтенант, не торопится, полотенцем помахивает. Жду, что дальше будет, может, в воду полезет. Холодно, но ведь есть любители даже зимой купаться. Гляжу, и впрямь раздевается. Снял китель, рубашку и стал заниматься гимнастикой. Тело крепкое, мускулистое. Соображаю, как его взять. Не он мне понадобился — его форма и документы. Думаю, дай-ка рискну; пока обераспохватятся, я уже буду на Муху. Подобрался ближе и, когда лейтенант проходил мимо, выскочил из-за скалы и всадил ему нож между лопаток. Труп завалил камнями, обмундирование в охапку — и ходу. До Куйвасту доехал с комфортом — на машине. Остановил на шоссе грузовик с солдатами и велел очистить мне

место в кабине, да еще прикрикнул, чтобы быстрее шевелились.

Рассказывая, Куйст стягивал с себя немецкую униформу. Я велел ее выбросить, но Вольдемар возразил:

— Пригодится, товарищ старший политрук. Да, так вот... в Куйвасту отыскал знакомых рыбаков, от них узнал, где склады. Охранялись не очень бдительно. На задание отправились вчетвером. Товарищи сняли часовых, а я проник к боеприпасам. Ну а дальше, наверное, сами видели: зарево-то поднялось какое!..

— А горючее как поджег?

— Да рядом оно оказалось. Видимо, термитный снаряд угодил в хранилище.

После этого доклада я представил Куйста генералу. Елисейев горячо поблагодарил бойца.

Через день Куйст снова ушел на задание в глубокий тыл врага и там в перестрелке на маленьком островке Кессулайд был сражен пулей.

Я очень огорчился, узнав о смерти этого отважного, самоотверженного комсомольца. И не могу не сказать здесь о нем еще несколько добрых слов.

Куйста рекомендовал мне Александр Михайлович Муй:

— Не пожалеете, если возьмете.

И я действительно не пожалел. Куйст одинаково владел русским и эстонским языками, свободно говорил по-немецки, великолепно знал архипелаг и имел много друзей среди местных рыбаков.

У Вольдемара была нелегкая молодость. С детских лет он батрачил на хуторах. А когда Эстония стала советской, Куйст одним из первых вступил в комсомол, активно участвовал в строительстве на Моонзунде новой жизни.

Этот сероглазый паренек великолепно играл на гитаре и в Народном доме города Курессаре обучал

своих сверстников русским песням. Вольдемар любил поэзию. Сам писал. Он перевел на эстонский язык очень популярную до войны «Катюшу» и стал страстным ее пропагандистом.

Куйст, безусловно, был одаренным человеком. Но война безвременно оборвала его жизнь.

Вечная память тебе, дорогой Володя!

Мы уходим, чтобы вернуться

Кончался сентябрь. Зарядили дожди, разволновалась Балтика. В блиндажах и окопах не просыхала вода. Росло число простудных больных. Плохо стало с продовольствием и медикаментами. При отражении вражеских атак начали учитывать каждый снаряд и патрон.

Наши ряды таяли, у противника — росли. Подтянув резервы и боеприпасы, гитлеровцы усилили натиск. С рассвета и дотемна не прекращались бои. Первыми вступали в дело орудия и минометы. Били и полевые и дальнобойные батареи. Не прекращались воздушные налеты. Земля ходила ходуном.

Потом наступало короткое затишье. Над окопами стлался дым, и кисло пахло жженым порохом. Измученные бойцы торопливо скручивали сигарки. Затем снова начинался ад. Как воронье, налетали «юнкерсы». Бомбили с предельно малой высоты. Бомбы сыпались, точно картофель из прорванного мешка. Отдельных разрывов порой не было слышно, все сливалось в сплошной грохот. От этой адской какофонии пухла голова.

Наконец «юнкерсы» улетали. И тут же нас начинала донимать вражеская пехота. Отбивать атаки становилось все труднее: с каждым днем число защитников Сырве неумолимо уменьшалось, приходилось беречь боеприпасы. Все чаще мы вынуждены были вступать в рукопашные схватки. Раненые не покидали позиций, отказывались ложиться в госпиталь. Все, от рядового до командира, знали, что на этом клочке земли своей упорной обороной они отвлекают на себя немалые силы гитлеровцев и тем

самым в какой-то степени облегчают положение ленинградцев.

В те дни Ленинград был в сердце каждого. Радио приносило тревожные вести, перед которыми наши собственные беды как-то стушевывались, отступали на задний план.

— Только бы Ленинград не отдали, — говорили красноармейцы и краснофлотцы.

Однажды на КП Елисеева явился инструктор политотдела БОБРа Ф. Н. Васильев. В одном из боев его сильно ранило. Старшего политрука положили в госпиталь. Немного подлечившись, Феодосий Николаевич сбежал. Секретарь парткомиссии Георгий Николаев недовольно заметил Васильеву:

— Ведь на ногах еле держишься, опять свалишься.

— Я что!.. — Васильев махнул рукой. — Расскажите лучше, как Ленинград? Какие новости оттуда?

— Ленинград стоит, а вот ты...

— И я буду стоять.

Николаев промолчал. Убеждать Васильева вернуться в госпиталь было бесполезно. Не послушается. В душе каждый рассуждал подобным же образом и, очутившись на месте Васильева, поступил бы так же, как он.

С мыслью о великом городе люди просыпались, с мыслью о нем засыпали. В те дни среди нас стала, очень популярной песня неизвестного автора о защитниках Ленинграда.

Как-то, направляясь к Ключникову, я услышал очень знакомую мелодию. Она напомнила мне далекие времена моей горячей молодости — гражданскую войну. Мотив был «Каховки», но слова иные. В пасмурном промозгом воздухе мелодия звучала глухо, неясно. Заинтересовавшись, я пошел на голоса. За поредевшим и основательно тронутым желтизной кустарником я увидел глубокую траншею. На дне ее

горел маленький костер, над огнем висел жестяной, весь черный от сажи чайник. Вода в нем уже кипела и выплескивалась из носика вместе с паром. Бойцы, увлекшись пением, не замечали этого.

Тихонько и немного фальшиво играла гармоника. Нестройно звучал хор, но люди пели всем сердцем, и потому несовершенство исполнения не резало уха.

Я стал слушать. Запомнил только один куплет. Вот он:

Пока под тельняшкой морской, полосатой
Матросское сердце стучит,
К мостам Ленинграда,
К причалам Кронштадта
Врагу будет доступ закрыт...

«Врагу будет доступ закрыт», — мысленно повторил я последнюю строчку. Да, с такими парнями мы отстоим Ленинград, с такими и невозможное — возможно. Ведь знают они, что немногие вырвутся отсюда. Да и вырвутся ли? Но думают не о себе, думают о Ленинграде, о городе великого Ленина, о колыбели Революции. Наверное, среди них немало таких, кто никогда не ходил по его проспектам, не видел мостов через Неву. Но такова уж, видимо, власть этого города над сердцами советских людей, что наш солдат дорожит им больше, чем собственной жизнью.

* * *

Мы помнили Ленинград, и ленинградцы не забыли защитников Моонзунда. 25 сентября все подразделения облетела ошеломляюще радостная весть: вечером Ленинград будет передавать специально для нас

концерт. Люди готовились к этому событию, как к большому празднику: чистились, мылись, брились.

Задолго до начала передачи в землянках и блиндажах, на сохранившихся у нас нескольких судах негде было упасть яблоку.

И вот, когда на землю опустились сырые осенние сумерки, мы услышали:

— Внимание! Внимание! Говорит Ленинград. Братский привет трудящихся города Ленина героическим защитникам Моонзундского архипелага. Слушайте нас, бойцы, командиры и политработники. Слушайте, друзья! Начинаем наш концерт.

По блиндажам, землянкам, тесным кубрикам и окопам понеслась торжественная, хватаящая за душу мелодия «Героической симфонии» Бетховена.

В середине концерта Елисееву подали депешу. Прочитав ее, он обвел собравшихся командиров радостно засветившимся взглядом и произнес:

— Товарищи, сегодня ждите еще один сюрприз.

Помолчал выжидательно и добавил:

— Ночью на Сырве прилетят из Ленинграда самолеты с боеприпасами и продовольствием. Сообщите о том по подразделениям и велите готовить к эвакуации тяжелораненых.

В 11 часов вечера на площадке, расположенной на юго-западе Сырве, около деревушки Майбе приземлился первый транспортный самолет. Через час с небольшим прилетел второй.

В ту же ночь к нам прибыло нежданное пополнение. С маленького острова Вилсанди, находящегося у западного побережья Сааремы, пришел небольшой отряд моряков, возглавляемый старшиной 1-й статьи Осметченко. В нашем полку прибыло!

Парни Осметченко оказались отчаянными. Они могли податься на Хиуму, но предпочли драться с врагом на Сырве. Горстка отважных в штормовую ночь

форсировала залив Кихельконна-Лахт, высадилась на берег и с боями, продвигаясь вдоль побережья, прорвалась к нам.

Когда Осметченко спросили в штабе, как это им удалось, старшина ответил шуткой:

— Нас мало, но мы — балтийцы!

Группа Осметченко однажды здорово выручила нас. На второй день после ее появления на Сырве гитлеровцы прорвались через боевые порядки 37-го инженерного батальона. От батальона, собственно, к тому времени остались рожки да ножки. А если точнее — не больше роты. Создав численное превосходство, фашисты завладели передовыми окопами и стали продвигаться дальше. Кто-то крикнул, что враг обходит батальон еще и с фланга. Бойцы дрогнули. Положение создалось критическое, нельзя было медлить ни секунды. Не раздумывая я выхватил у кого-то пулемет Дегтярева, дал две короткие очереди над головами побежавших бойцов и не своим голосом закричал:

— Ни шагу назад! Первого, кто не послушается, пристрелю!

Красноармейцы остановились.

— За мной! — приказал я. — В контратаку!

И не оглядываясь устремился вперед. Я верил, что меня хоть кто-нибудь да поддержит. С радостью услышал за спиной топот. Бойцы с винтовками наперевес догоняли меня. Какой-то рослый парень выскочил вперед.

— Ура-а!

— Ура-а! — подхватил я.

— Ура-а-а-а! — раздалось слева и справа.

Враг, не ожидавший такого поворота боя, не выдержал и начал отступать. На его плечах мы вернулись в только что оставленные окопы. Но не успели прийти в себя и отдышаться, как гитлеровцы

открыли сильный артиллерийский и пулеметный огонь, снова пошли в атаку.

Не помню, долго ли длился бой, но в конце концов мы вновь оставили позиции. По жестокому, какому-то необыкновенно злomu напору противника я почувствовал, что на этот раз нам его не сдержать. Красноармейцы отходили организованно, упорно цепляясь за каждый бугорок. Что делать? Спасти положение могло только чудо. И оно свершилось. К нам неожиданно подоспело подкрепление, буквально на той самой грани, когда организованное отступление вот-вот готово было перейти в паническое бегство.

Перед моими глазами, точно из-под земли, выросли черные бушлаты. Моряки молча устремились наперерез вражеской пехоте. Где-то на каменистой россыпи у кустарника, исхлестанного автоматными и пулеметными очередями, отряд Осметченко сшибся с неприятелем. В воздухе замелькали руки, приклады, штыки. Началась рукопашная.

Враг будто наткнулся на каменную стену, затоптался на месте. Эта заминка явилась переломным моментом в ходе боя. Какое-то мгновение красноармейцы наблюдали за схваткой моряков с гитлеровцами как бы со стороны. Потом, опомнившись, кто-то с надрывом крикнул:

— Да что ж мы смотрим! Ведь морячки нам на выручку пришли!

От земли оторвался немолодой пехотинец с треугольниками сержанта в петлицах гимнастерки. В разных местах поднялось еще несколько человек. Но многие продолжали еще лежать. Заросшее густой щетиной лицо сержанта перекосилось от ярости. Пробегая мимо кого-то, он вдруг задержался и громко спросил:

— Это ты, что ли, Умрихин? А врал, что фамилия невезучая. Жив, значит, землячок?

— Жив, Петро.
— И всех нас переживешь.
— Это почему же?
— За чужие спины прятаться любишь.
— Это я-то! — боец побагровел и мигом вскочил на ноги.

Все, кто были поблизости, рассмеялись.

Случайно ли вступил Петро в перебранку с Умрихиным или нарочно — не знаю, только слова его сделали свое: бойцы дружно поднялись. Почувствовав перемену в настроении людей, сержант скомандовал:

— За мной, ребята!

Совместными усилиями моряков и пехотинцев враг был отброшен на исходные позиции. Еще несколько раз немцы ходили в атаки. Бой не затихал до темноты. Семь раз гитлеровцы врывались в наше расположение, но закрепиться не смогли. Потеряв около шестисот солдат, они прекратили атаки. Большой урон понесли и защитники Сырве. В числе погибших оказался и старшина Осметченко. Пал он во время контратаки. На него, Плугина и Шираканова навалился добрый десяток вражеских солдат. Моряки бились до последнего вздоха. Они переколотили больше половины налетевших на них немцев. Но и сами сложили головы.

* * *

Стремясь быстрее разделаться с защитниками Сырве, противник попытался высадить крупный десант в бухте Лую. 26 сентября, утром, со стороны открытого моря показался большой отряд кораблей. Вражеские транспорты двигались под охраной вспомогательного крейсера, шести миноносцев и торпедных катеров.

Уже на подходе к бухте гитлеровцы открыли сильный артиллерийский огонь. В бой с противником

тотчас вступили батарея капитана Стебеля и орудия, расположенные около Рахусте. В десятом часу утра в атаку на фашистские корабли ринулись торпедные катера старшего лейтенанта Гуманенко. Советских моряков встретили вражеские самолеты. На помощь катерникам поспешило звено И-16, ведомое капитаном Кудрявцевым. Тройка ястребков — это было все, что осталось от авиационного прикрытия архипелага, — повела неравный бой и вынудила противника отступить.

Торпедные катера прорвались к вражеским кораблям и нанесли им чувствительный удар. Гитлеровцы потеряли три миноносца.

Зато на суше они снова нас потеснили. 30 сентября мы отошли на последний рубеж — Каймри-Лыпе. Отступить дальше было некуда: море.

Последние дни боев на Сырве прошли как в лихорадке. Откровенно говоря, память моя мало что удержала из событий заключительного периода. Враг не давал покоя ни днем ни ночью, окончательно измотал нас непрерывными атаками, бомбежкой и артиллерийским обстрелом. В районе расположения батареи капитана Стебеля и под Менту вся земля была изрыта воронками от бомб и снарядов...

Хорошо запомнился такой эпизод. В конце сентября мы получили телеграмму из Ленинграда. Военный совет фронта поздравлял нас с героической обороной. Подписал поздравление А. А. Жданов.

Когда пришла телеграмма, я находился на батарее капитана Стебеля. Здесь же в одном из помещений заседала партийная комиссия. Вдруг в самый разгар ее работы распахнулась тяжелая дверь, и вошел парень лет двадцати шести.

— Вам что? — спрашивает его секретарь партийной комиссии Георгий Николаевич Николаев.

Вошедший доложил, что он боец зенитного расчета, фамилия его Волков.

— Слушаю вас.

Зенитчик замялся, потом решительно шагнул к столу и положил перед Николаевым заявление.

— Я вот... — нескладно заговорил Волков, — о телеграмме слышал, хвалят нас... Только драться нам недолго осталось, и я подумал, что хоть в последний бой надо пойти коммунистом. Пусть эти гады...

Договорить Волкову не удалось: раздался сигнал воздушной тревоги. Зенитчик повернулся и стремглав бросился к выходу. Налет длился недолго. Когда он кончился, Николаев распорядился найти Волкова. Но искать зенитчика не пришлось, он сам появился, вернее, его внесли в помещение на руках.

— Ранило его, — пояснил один из бойцов, поддерживавший Волкова, — видать, сильно. Мы его в лазарет, а он требует, чтобы сюда. Говори, Волков.

Зенитчик открыл глаза и дрожащим голосом произнес:

— Прошу удовлетворить просьбу... принять меня в кандидаты партии.

Николаев посмотрел на членов комиссии и поставил вопрос на голосование:

— Кто «за»?

Руки подняли все. Но Волков уже не видел этого.

* * *

Днем 2 октября генерал Елисеев созвал к себе на КП почти всех командиров. Совещание было коротким. Генерал сообщил, что получен приказ Военного совета фронта: мы должны перебраться на остров Хиума.

— Драться будем там, — сказал генерал. — Руководить обороной поручено мне.

— Вам же, Николай Федорович, — Елисеев обернулся к полковнику Ключникову, — придется суток на двое задержаться на Сырве. Снимем вас с полуострова в числе последних.

Ночью началась эвакуация. Плавсредств не хватало даже для людей, и потому орудия и прочую громоздкую технику подрывали и выводили из строя.

Истребительный отряд командование БОБРа решило переправить через Рижский залив в тыл врага. Его возглавил мой заместитель старший лейтенант Грядунов.

Признаться, мне было совестно перед своими парнями. Если бы разрешили, я бы ушел с ними. Весь день мы с Грядуновым провели в хлопотах — снаряжали бойцов в далекий и нелегкий путь. К вечеру в поисках подручных материалов для плотов зашли в сосновый лесок. Неподалеку на пригорке стоял домик лесника.

— Зайдемте к нему, — предложил Грядунов, — авось чем-нибудь разживемся.

Тропинка неожиданно привела нас к большой надгробной плите. Надписи на сером крупнозернистом граните, стертые временем и непогодой, еле угадывались. Буквы оказались русскими, но прочесть их не удалось. Пока мы разбирали слова, подошел лесник.

— Послушай, дед, — обратился к нему Грядунов, — что это за плита? Погибшим рыбакам, что ли?

— Погибшим, да только не рыбакам, — ответил лесник. — Над такими же, как вы, положена она. В ту войну здесь тоже была батарея, русская. Немцы прорвались на остров, русские не пожелали сдаться в плен и подорвали себя вместе с орудиями. Здесь их и захоронили.

— Выходит, положение было вроде нашего, — заметил я.

— Да уж не лучше, — согласился Грядунов, — только мы пока подрываться не станем. Проберемся на

материк и там еще насолим гитлеровцам.

— Гоже, — согласился лесник, — на чем только пробираться станете?

— За тем и пришли к тебе.

Старший лейтенант Грядунов растолковал леснику, что нам требуется.

— Бревна для плотов найдем. Бревна есть, вон там, — старик указал рукой в сторону моря. — И от берега недалеко. Присылайте людей. Я помогу вязать плоты.

Случилось так, что напоследок мне не удалось повидаться с разведчиками. Они первыми покинули Сырве и ушли в море. Что стало с ними — мне неизвестно. Тешу себя надеждой, что кто-нибудь остался живым.

Через несколько часов покинул полуостров Сырве и я с группой командиров. К ночи налетел шторм. Торпедные катера швыряло на мелководье бухты Менту как пробки. Пока грузились, вымокли с головы до ног. Наконец подали команду, и катера отвалили от причала. Рокот мощных моторов, видимо, донесся до противника, так как вдруг усилился обстрел побережья в районе Менту и в небо взвились осветительные ракеты.

Обогнули мыс Сырве и выбрались в Балтийское море. Рассвет застал нас уже на подходе к Тахкунскому маяку, расположенному на северной оконечности Хиумы.

— Ну кажется, все в порядке, — произнес военный прокурор Виктор Коршунов, — можно и закурить.

Он потянулся за трубкой. В этот момент раздалась команда:

— Воздух!

Справа по борту в редящем тумане показался силуэт вражеского гидросамолета. Заметит или нет?

Заметил, развернулся и устремился на нас. Заговорили наши крупнокалиберные пулеметы. Глаза всех прикованы к самолету, в голове одна мысль: «Отвалит или нет?» Медленно, ох как медленно тянулись секунды! На суше в таких переплетах чувствуешь себя куда лучше. Там все же земля под ногами; если пуля стукнет не насмерть, есть надежда, что выживешь, отлежишься в госпитале. А тут конец верный: вода ледяная, до берега далеко.

Коршунов, примостившийся в пустом желобе из-под торпеды, засмотрелся на противника, не заметил, как длинные ноги его свесились за борт и подошвы ботинок чиркают о воду. Даже о трубке забыл. Копнов громко, на весь катер, крикнул:

— Виктор, дьявол, подожди ноги, иначе каюк! Твои костыли табанят и с курса катер сбивают.

Неожиданная шутка всех рассмешила. Получилась небольшая разрядка.

Не выдержав плотного зенитного огня, фашистские летчики отвалили от цели.

Наконец показался маяк на мысе Тахкуна. Головной катер дал сигнал — осветил море короткой вспышкой прожектора. Охотники начали подтягиваться ближе друг к другу. Еще минут десять борьбы с волнами и встречным ветром — и вот мы на берегу.

Нас встретил начальник Северного укрепленного сектора полковник Константинов. Поздоровавшись с Александром Сильвестровичем, я осведомился о судьбе двух мотоботов, отправившихся с Сырве во главе с майором Марголиным раньше нас.

— Не приходили, — ответил Константинов.

— Может, ушли в Кронштадт?

— Запрашивали Кронштадт, нет их там.

— Куда же они девались?

— Море большое, — развел руками Константинов, — а вокруг островов сколько немцев болтается!

Подошли Елисеев и дивизионный комиссар Зайцев. Константинов доложил генералу обстановку и попросил его распоряжений.

— Распоряжение пока одно: пошлите буксиры за Ключниковым, — ответил комендант Береговой обороны.

— Буксиры, Алексей Борисович, — заметил Зайцев, — вряд ли пробьются. Их противник перехватит. Лучше торпедные катера.

— Хорошо, пусть Богданов пойдет, — согласился генерал. — Поторопите его.

— Сейчас послать катера? — удивился Константинов.

— Ах да, — генерал огляделся, — светло. Разумеется, ночью.

Елисеев устало потер ладонью лоб и вздохнул.

Весь день и ночь мы провели на мысе Тахкуна. Несмотря на сильную усталость, никто не спал. Все ждали возвращения катеров. Наконец с маяка сообщили: «Идут». Мы высыпали на берег. Вдалеке, за белыми гребнями волн, рокотали моторы, натруженно, с перебоями.

— Наверное, перегрузились, — произнес кто-то.

Но катера вернулись пустыми. Рассказ Богданова был коротким. Пробиться к полуострову Сырве морякам не удалось.

* * *

О судьбе последних защитников Сырве я долго ничего не знал, лишь после войны удалось кое-что установить.

Оказалось, что транспорты, увозившие оттуда остатки 46-го стрелкового и 39-го артиллерийского

полков, ночью сбились с курса и пристали к какому-то шведскому острову, где и были интернированы.

Небольшая группа бойцов и командиров, покинувшая Сырве во главе с полковником Гавриловым, повстречала в море вражеский миноносец. Произошло это уже на рассвете, и уйти им от огня противника не удалось. Гитлеровцы потопили судно.

С уходом с Сырве торпедных катеров фашисты наглухо блокировали подступы к полуострову со стороны моря и усилили атаки на суше. Видимо посчитав, что нашим транспортам не прорваться к Менту, рассказывал после войны Двойных, полковник Ключников предложил командирам собраться на командном пункте и подорваться, но с ним не согласились. Капитан Двойных посоветовал уйти в глубь острова, там разбиться на мелкие группы и попытаться выйти на Муху, а оттуда с помощью рыбаков переправиться на материк.

Так и поступили.

Не согласившиеся с этим вариантом ночью сели на плоты и подались через Ирбенский пролив.

Первой прорвалась через вражескую оборону группа капитана Двойных, насчитывавшая около сорока человек. Из командиров в нее вошли капитан Я. Ф. Яцук, героически погибший в фашистском плену, полковник В. М. Пименов, начальник связи 3-й бригады майор Кузнецов, младший лейтенант П. Рубайло, лейтенант Брагин.

За Курессаре группа Двойных разбилась на два отряда.

12 октября Двойных вывел свою группу к проливу Вяйке-Вяйн. Здесь под Ориссаре на каком-то хуторе советских воинов выдал гитлеровцам предатель. Фашисты ночью окружили дом, в котором устроились на ночлег защитники Сааремы, и после

непродолжительной рукопашной схватки забрали их в плен.

Что стало с другими командирами — не знаю. Известно лишь, что полковник Ключников тоже был пленен. Вернулся он из концлагеря в очень тяжелом состоянии.

* * *

Хиуму — второй по величине остров Моонзундского архипелага — противник пока не обстреливал и не бомбил. Покрытый густыми лесами, остров встретил нас сторожкой тишиной и прелым запахом опадающей листвы. После месяца непрерывных боев, грома артиллерийской канонады, трескотни пулеметов, яростных бомбежек тишина эта показалась неестественной.

За ужином дивизионный комиссар Зайцев, обратившись к полковнику Константинову, пошутил:

— У вас тут, Александр Сильвестрович, настоящий курорт.

— С вашим прибытием он, несомненно, закроется, — ответил Константинов.

И действительно, только несколько дней противник не тревожил нас на Хиуме. Потеряв при захвате Муху и Сааремы около двадцати пяти тысяч солдат и офицеров, много техники, гитлеровцы стали более осторожными. Зализывая раны, они тщательно готовились к вторжению на Хиуму: вели воздушную разведку, внезапными артоналами прощупывали наши огневые позиции, забрасывали лазутчиков.

Мы тоже даром время не теряли.

Полковник Константинов — генерал Елисеев вскоре получил новое назначение и улетел на Большую землю — распределил прибывших командиров по

подразделениям, ознакомил нас с дислокацией частей и системой обороны острова.

К нам прилетели с Ханко посланцы от генерал-лейтенанта С. И. Кабанова. Капитан 1 ранга Петр Георгиевич Максимов и дивизионный комиссар Арсений Львович Раскин по поручению командующего военно-морской базой Ханко разработали совместно с нами план боевого взаимодействия. Мы договорились, что в случае самой острой надобности они помогут гарнизону Хиумы авиацией и плавсредствами.

А 12 октября противник начал обработку наших позиций артиллерией и с воздуха. На остров с разных направлений двинулось несколько десантов. Но лишь в двух местах фашистам удалось зацепиться за берег — на юге, под местечком Эммасте и в районе Нурсте.

Создав плацдарм, гитлеровцы стали перебрасывать через узкий пролив Соэла-Вяйн подкрепления. Потом развернули наступление вдоль восточного и западного побережья Хиумы.

В первые же часы боя в очень тяжелое положение попала батарея старшего лейтенанта Катаева, расположенная у Тофри. Орудия ее держали под прицелом подступы к пристани Сыру. Артиллеристы доставляли противнику большие неприятности. Они вели губительный огонь по немецким десантным судам и немало пустили их на дно. Обозленные гитлеровцы обрушили на 44-ю батарею страшный удар. По ней били орудия крейсера, нескольких миноносцев, стреляли с побережья Сааремы. Позиции катаевцев бомбила авиация.

К оказавшимся в беде артиллеристам немедленно выехал военком Северного укрепленного сектора Михаил Семенович Биленко.

Батарейцы сражались героически. Они отбивали вражеские атаки и с моря и с суши. А когда кончились снаряды, вывели из строя орудия и, захватив с собой

раненых, пошли на прорыв. Им повезло: сумели пробиться на соседнюю батарею, располагавшуюся за Пюхалепа.

* * *

Ведя тяжелые бои, мы постепенно отходили к полуострову Тахкуна. Острая нехватка полевых частей вынуждала строить оборону узлами, оставляя открытыми фланги. Зная об этом, враг обтекал наши позиции, прорывался в тыл. Линии обороны, как таковой, не существовало, бои и стычки вспыхивали то тут, то там. Каждый командир действовал на свой страх и риск, исходя из собственного понимания и чутья обстановки.

Так, одна из наших усиленных рот, когда соседние подразделения уже откатились на север, долго сдерживала гитлеровцев на правом фланге. Ведя оборону, бойцы часто контратаковали противника, врываются в его расположение и даже захватывали хутора, но с подходом новых подразделений немцев опять откатывались на старые позиции. Наиболее отважные делали вылазки в тыл врага. Например, лейтенант Найденов с несколькими бойцами проник на хутор Валга и там гранатами уничтожил штаб немецкого подразделения.

18 октября наши войска оставили Кярдлу. Над городком стояло огромное зарево: горела текстильная фабрика.

У краснофлотцев и пехотинцев осунувшиеся, небритые лица, покрасневшие от бессонницы и переутомления глаза. Люди молчаливы, угрюмы, некоторые едва не плачут. Не от страха — от обиды. Каждому ясно: силы слишком неравны. Можно драться одному за пятерых. Но когда из строя выходит этот

один — заменить некому. А к врагу непрерывно с материка и с острова Саарема идут и идут свежие пополнения. Нечем удержать его, хоть мертвых поднимай с земли.

Запомнилась такая сцена. По дороге к Тахкуну я задержался на батарее. Артиллеристы почему-то прекратили огонь. Подхожу, спрашиваю:

— В чем дело?

Командир — его фамилию, к сожалению, запомнил — старший лейтенант ответил:

— Стволы раскалились, надо переждать, когда остынут.

А враг нажимает, наступает на пятки. Я молчу, не зная, как помочь артиллеристам. Молчит и старший лейтенант. Потом вдруг отчаянно машет рукой и приказывает:

— Огонь!

Лязгают замки орудий, гремят выстрелы. К командиру подходит краснофлотец Данилов.

— Товарищ старший лейтенант, нельзя так. Еще пару выстрелов, и разорвет стволы.

— Знаю, дорогой, знаю, — говорит командир. — Но надо. Понимаешь? Надо!

Лицо батарейца нервно подергивается, и мне кажется, что артиллерист вот-вот разрыдается.

— Э-эх! — стонет он и убегает.

Батарея дает еще несколько залпов и смолкает. Командир распоряжается подорвать орудия.

Тяжело было смотреть в этот момент на батарейцев. Я отвернулся и ушел.

Получили приказ командования флота: эвакуироваться на Ханко. Корабли, высланные за нами, уже на подходе к острову, но приблизиться к берегу не могут: противник заметил их и открыл по ним и побережью ураганный огонь.

— Нужно перевести плавсредства в другое место, — говорит Константинов и смотрит на меня. — Вы, Павловский, свяжитесь с кораблями, а Волынский и Коршунов осмотрят берег западнее маяка. Там, кажется, спокойнее.

Я забираю старшину Рыбина, сигналиста Сидоркина, сажусь в машину и мчусь к рейду. Противник простреливает едва ли не каждый метр дороги. К побережью пробиваемся с большим трудом. Ползком достигаем развалин каменного строения, устраиваемся в нем. Далеко в море стоят наши корабли.

— Семафорь, — приказываю я Сидоркину.

Тот что-то невнятно бурчит себе под нос.

— В чем дело?

— Да вот, — виновато отвечает моряк, — флажки забыл.

— Разиня, — бросает Рыбин, сдергивает с себя гимнастерку, стягивает нательную рубашку и рвет ее на куски. — Держи!

Сидоркин высовывается из развалин и начинает ловко работать руками. Но на кораблях не замечают наших сигналов: далеко все-таки. Да и нижнюю сорочку Рыбина белой можно было назвать лишь условно. Разглядеть такие тряпицы на сером фоне скал вряд ли возможно.

Сидоркин высовывается наружу еще больше. Кругом свистят осколки. Противник всю лупит по берегу, видимо подозревая, что здесь накапливаются для посадки на транспорты наши войска.

— Осторожно, — предупреждаю я Сидоркина и пытаюсь втощить его под прикрытие развалин, но не успеваю.

Сидоркин слабо вскрикивает и приваливается к стене. На бедре у него появляется красное пятно.

— Кажись, ранен я, — как-то виновато произносит он.

Сам вижу, что рана тяжелая, но все же спрашиваю:

— Если поддержим, сигналить сможешь?

Моряк кивает головой.

Мы подхватываем его под мышки.

— Пойдите, — просит Сидоркин и обращается к старшине: — Дай-ка нож.

— Зачем? — удивляется тот.

— Давай, тебе говорят!

Рыбин подает самодельный кинжал. Сидоркин вспарывает брючину и прикладывает к ране куски рубахи. Кровь пропитывает материю.

— Может, теперь заметнее будет...

Мы молчим. Сидоркин вновь начинает семафорить. Красные лоскуты быстро мелькают в его руках.

— «Переходите западнее маяка Тахкуна». «Переходите западнее маяка Тахкуна», — передает он.

С кораблей не отвечают. Я чувствую, как с каждым взмахом рук Сидоркин тяжелеет, лицо его бледнеет. На миг он закрывает глаза. Должно быть, кружится голова.

Наконец на одном из кораблей взвывается: «Добро».

— Заметили, — счастливо шепчет Сидоркин и, вконец обессиленный, повисает на наших руках.

* * *

Началась эвакуация. Под прикрытием артиллерийского огня к маяку выходят остатки подразделений, прибывают грузовики с ранеными.

На море шторм. Волны с оглушительным шумом бьют своей многотонной массой в скалистый берег. В такую погоду даже мелкосидящим катерам не подступиться к суше. Мы стоим и молча взираем на разбушевавшуюся стихию.

— Надо строить причалы, — решает Навагин, — иного выхода нет.

Люди стаскивают к берегу все, что может пригодиться для этой цели: доски, старые полусгнившие лодки, бочки, камни. Волны легко смывают все это и уносят в море.

— Напрасный труд, — скептически замечает, как всегда невозмутимый, Коршунов.

— Нужно добраться до кораблей и указать морякам, как и куда подойти мелкосидящим суднам, — предлагаю я.

Спускаюсь к берегу, сажусь в маленькую весельную шлюпку, именуемую «тузиком». Ко мне присоединяется Навагин. Сразу же за рифами «тузика» начинает швырять как пробку. Навагин не успевает вычерпывать воду. Шлюпка становится тяжелой и неповоротливой, неосторожное движение — и нас захлестнет волной. Навагин отчаянно машет руками в сторону охотников. Нас заметили. Едва катер подошел к шлюпке, как волна накрыла ее, и мы только-только успели вцепиться в поданный конец.

На рассвете морские охотники, тральщики и буксиры снялись с якорей и ушли на Ханко. Мотоботы и другие мелкие суда задержались на Тахкуне. Они заберут оставшихся людей и доставят их на остров Осмуссар.

Пересекаем Финский залив под прикрытием истребителей, присланных генералом Кабановым. С Ханко то и дело по радио запрашивают, как у нас дела. Не жалуемся. Ястребки — надежный заслон от фашистских бомбардировщиков. Гитлеровцы попробовали было сунуться, но были отогнаны.

Столпившись на баке, мы прощаемся с островами, с теми, кто смертью храбрых пал в боях за архипелаг.

Мы сделали все, что могли. Как я узнал после, на Моонзунде противник потерял свыше двадцати шести тысяч солдат и офицеров, пять миноносцев, около десятка крупных транспортов с живой силой и

техникой, много мелких судов, сорок один самолет. Почти два месяца разгрызали немцы Моонзундский «орешек» и, наверное, не раскололи бы его, имей мы достаточное количество людей и настоящую, построенную по всем правилам инженерного искусства оборону.

Много и мы потеряли на Моонзунде. Но немало и приобрели. Приобретен был опыт, которого нам так не доставало в начале войны. Приобрели еще более жгучую ненависть к фашизму. И еще сильнее познали, прочувствовали, как дорога нам наша Родина.

Так прощай же... нет, до новой встречи, Моонзунд! Мы не оставим тебя. Мы вернемся, и снова ты станешь форпостом Советской Балтики. Жди!

* * *

Через три года войска Ленинградского фронта, корабли и части Краснознаменного Балтийского флота освободили все острова и проливы Моонзундского архипелага. Только я в этих событиях уже участия не принимал: был на другом направлении, выполнял другие задачи.

На том и кончу свои воспоминания. Конечно, хотелось бы рассказать гораздо больше, но память человека, к сожалению, не все удерживает. О многих ярких событиях я, безусловно, вообще не знаю. Надеюсь, о них расскажут другие. Моонзундцы достойны того, чтобы о них знали больше. Пусть же мои товарищи по оружию поспорят со временем и отвоюют у прошлого еще несколько страничек того, что, несомненно, составляет нашу славу и гордость!